

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции*

(апрель 2016 г.)

Орск 2016

УДК 81
ББК 81
А43

Редколлегия:

*Ерофеева Н. Е., доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе;*

*Лапенков Д. С., кандидат филологических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета;*

*Олейник О. В., кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
иностранного языка, теории и методики обучения иностранному языку*

(Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ)

А43 Актуальные проблемы лингвистики, психолингвистики и лингводидактики [Электронное издание] : материалы Всероссийской научно-практической конференции (апрель 2016 г.) / редкол. Н. Е. Ерофеева, Д. С. Лапенков, О. В. Олейник. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. – ISBN 978-5-8424-0827-6.

ISBN 978-5-8424-0827-6

© Коллектив авторов, 2016
© Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) ОГУ, 2016

Содержание

<i>Алмазова И. В.</i> Социолингвистические особенности английского молодежного сленга и способы его перевода на русский язык на материале романа Дэвида Митчелла «Лужок черного лебедя»	4
<i>Басюк И. В., Перевязка Н. П.</i> Специфика английских неологизмов в газетных публикациях	8
<i>Иванова Е. Р.</i> Новеллы Э. Т. А. Гофмана в контексте литературы немецкого бидермейера	13
<i>Иванова О. А.</i> Имплицитность и подтекст как категории семантического пространства художественного текста	16
<i>Камнева Е. И.</i> Лексико-стилистические особенности переводов романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»	20
<i>Кузьмина А. А.</i> Лингвистические и экстралингвистические средства изображения войны и ее последствий в романе Пэт Баркер «Возрождение»	23
<i>Лапенков Д. С.</i> Некоторые особенности полидискурсивности художественного текста	26
.....	
<i>Олейник О. В.</i> Положительная и отрицательная оценка немецкого сленга	30
.....	
<i>Орлова С. Л.</i> Эпистолярные тексты начала XX в. с позиции гендерной характеристики коммуникантов	33
<i>Саввина Л. И., Саввина М. Г.</i> Политический дискурс как способ репрезентации аргументативной функции языка	36
<i>Серова О. В.</i> Словообразование английского компьютерного сленга	41
<i>Скоморохова С. В.</i> К вопросу о структуре фразеологического значения	45
<i>Томина В. А.</i> Языковые средства выражения эмоций в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр»	50
<i>Фадеева М. Ю.</i> Формирование лингвокоммуникативной культуры студентов университета в иноязычном деловом общении	54
<i>Флоря А. В.</i> Уточнение понятия «призыв» в юрислингвистике	58
<i>Шабанова Е. С.</i> Воспитание интереса к урокам русского языка (на примере изучения раздела «Местоимение» в 6 классе)	61

**Социолингвистические особенности английского молодежного сленга
и способы его перевода на русский язык на материале романа
Дэвида Митчелла «Лужок черного лебедя»**

Язык – мощное средство регуляции деятельности людей в различных сферах. Будучи орудием общения, язык, как зеркало, отражает особенности его носителей, их культуру и историю, реагирует на все изменения в обществе. Современный мир динамично развивается и вместе с ним в постоянном развитии находится язык. Все события, которые охватывают общество, влияют на живое развитие разговорной речи, получают отклик в языках мира и добавляют в лексикон человечества новые фразы и выражения. Человеческое общение – один из важнейших показателей образованности и эрудированности. От того, как будет происходить общение, зависит восприятие человека обществом, его авторитет в общественной и в профессиональной деятельности. Основным элементом общения является речь.

Сленг, будучи неотъемлемой частью языка и, соответственно, речи, является одним из основных и наиболее проблематичных аспектов лексикологии, поскольку отражает лингвокультурные особенности социума, который его употребляет. Сленг – это тот слой лексики, который не совпадает с литературной нормой.

Доказано: жаргон существовал и существует в любое время, непрерывно меняется и тесно связан с той социальной или возрастной группой, где применяется. Это чаще всего молодежный язык, так как именно молодежь изолируется от мира взрослых и создает свой мир, со своими законами и даже языком. Но очень быстро такие слова вырываются за пределы молодежной группировки и становятся повсеместными. Нужно ли нам знать вообще молодежный сленг, не достаточно ли просто владеть грамматикой и разговорной речью?

Автором анализируемого романа является английский писатель Дэвид Митчелл, один из самых молодых романистов, заслуживших одновременно и популярность, и уважительное восхищение профессионалов. Каждая его книга вызвала всплеск читательского интереса и номинации на престижные премии: роман «Литературный призрак» в 1999 году, «Сон номер 9» – в 2001-м, «Облачный атлас» – в 2004-м, «Лужок черного лебедя» – в 2006-м, «Тысяча осеней Якоба де Зута» в 2010, «Простые смертные» – в 2014 году.

Писатель был трижды претендентом на Букеровскую премию и один раз (в 2002 году) – лауреатом премии за лучший роман, написанный автором моложе 35 лет.

В 2012 году на большие экраны вышел фильм «Облачный атлас», снятый на основе одноименного романа Дэвида Митчелла.

Роман «Лужок черного лебедя» представляет собой 13 глав, 13 месяцев жизни 13-летнего мальчика. Иными словами – роман-календарь. Неспособность выразить себя, неприкаянность – ключевая тема книги, и Митчелл доводит ее до предельного состояния: главный герой, Джейсон Тейлор, тихий, творческий, глубоко все переживающий мальчик, страдает от «запинания». И самый большой страх для него – видеть глаза людей, и особенно – глаза отца, когда он, Джейсон, начинает заикаться. Мальчик умен не по годам – ему есть что сказать, он знает ответы на все вопросы учителей в классе, но он молчит, не тянет руку, потому что, стоит ему заговорить, и собственный голос подводит его. Он тайно пишет стихи под псевдонимом Элиот Боливар. Джейсон пытается насильно перестроить себя, свою личность под свое окружение, школьных и соседских мальчишек, на которых он так непохож.

Окружающий его мир пестрит множеством условностей и негласных правил, которые, если Джейсон хочет быть своим у этих ребят, ему приходится соблюдать. Например, он не может надеть свою черную куртку, потому что: «Вообще-то надеть черное – значит заявить о своей принадлежности к крутым пацанам.»

Нельзя также носить вязаную шапку, так как: «Вязаные шапки – это для педиков.»

То же касается зонтов, книг, стихов и многого другого. Всем там заправляет иерархия: есть популярные, среднепопулярные, середняки и изгои. Совершил «промах» – скатился на ступеньку ниже.

Книга посвящена очень важной теме, важной не только для детей, подростков, но и для взрослых, поскольку с возрастом проблемы не меняются, меняется их масштаб. О том, как быть самим собой, не скрывать, кто ты есть на самом деле, не стесняться «Себя Внутреннего», как сделать, чтобы окружающие приняли тебя таким, какой ты есть. Настолько ли важно мнение «большинства», чтобы подстраивать себя под ожидания и представления других.

Образ главного героя создается через его восприятие мира, а оно, в свою очередь, через речь героя. Речь Джейсона можно условно разделить на 2 группы: *сленговую речь*, которую он использует при общении со сверстниками и *нейтральную*, которую он использует в своих стихах. В ходе анализа произведения, было выявлено, что стихи главного героя не написаны прямым текстом, они аккуратно вплетены в прозу Дэвида Митчелла. Последние абзацы в некоторых главах написаны белым стихом – это и есть поэзия Джейсона Тейлора.

В школе Джейсона существует негласная иерархия, на вершине которой стоят самые популярные ребята, за ними следуют менее «крутые» дети, на третьей ступени располагаются ученики, к которым относятся нейтрально, в эту группу и входит главный герой романа. Возможность удержаться на этой ступени иерархии и не опуститься ниже является причиной того, что Джейсон разными способами пытается скрыть свой дефект речи. Использование в романе сленговых единиц позволяет автору воссоздать наиболее реалистичную картину жизни главного героя. Здесь и отражаются социолингвистические особенности молодежного сленга.

Наиболее часто сленг употребляется в экспрессивной функции. Так, узнав, что у его сестры есть парень, Джейсон представляет себе, как какой-то мальчик «обжимается» с ней, употребив при этом сленговое слово «*to snog*». Данное слово включает в себя значение «обниматься» и «целоваться», автор использует экспрессивно окрашенное слово, чтобы показать негативное отношение Джейсона к своей сестре. В следующем примере также проявляется отношение Джейсона к своей сестре: он вспоминает, как она «донесла» о его поступке отцу, применяя фразу «*to grass on*». Главный герой перечисляет способы, которыми можно «перехитрить» заикание, используя экспрессивно окрашенный глагол «*to outfox*» – «перехитрить» и такие слова, как: «*to plomp down*» – «плюхаться», «*wipe out*» – «убить, уничтожить».

В тексте также выделилась группа сленгизмов, обладающая стилистической функцией. Данная функция показывает, что та или иная сленговая единица типична для определенных функциональных стилей или сфер речи. Как говорилось выше, повествование в произведении ведется от лица подростка и чтобы не усложнять текст профессиональной лексикой, Дэвид Митчелл использует слова, стилистически противоположные литературной норме. Например, слово «*to chill*» в словаре Мюллера трактуется как «охлаждаться», но в тексте оно употреблено в значении «расслабиться». А глагол «*to bullshit*» всегда имеет значение «говорить ерунду». Джейсон называет волосы на лице своего друга Морана «*bumfluff*» – «усики», что можно заменить обычным литературным словом, но автор намеренно избегает этого. Также «*bollocks*» – «чепуха, абсурд», «*to glollop*» – «заливать».

В ходе исследования было выявлено, что сленговые единицы чаще содержат отрицательную окраску. Джейсон употребляет сленг «*ape*» – «взбешенный» в отношении своей матери, когда он отказался есть капусту и она пришла в ярость. Еще несколько примеров оценочной функции: «*flid*» – «тупой», «*ratty*» – «жалкий, мизерный», «*nutty*» – «рехнувшийся», «*duffer*» – «глупец, пустое место», «*grinny-zitty*» – «прыщавый», «*piss-take*» – «обидный, оскорбительный», «*crap*» – «дрянной, дерьмовый».

Дэвид Митчелл нередко использует сленговые единицы с характерологической функцией, чтобы показать характеристику речи героев. Учитель математики, рассерженный на то, что Джейсон не знает ответа на элементарный вопрос, использует слово «*flipping*» – «нахальный», которое более уместно, нежели другие грубые слова. Это характеризует его, как учителя, с отрицательной стороны. Также слова «*moron*» – «идиот».

В произведении встречаются сокращения, чаще всего в речи главного героя: «*cause*», «*s'pose*», «*dad'd*», «*they'd*», «*g'night*» и другие. Это можно объяснить тем, что Джейсон, с одной стороны, использует сленговые слова, чтобы быть современным, а с другой стороны, он использует короткие слова в речи, чтобы скрыть свою проблему – заикание.

Следующие выражения также обладают характерологическим компонентом, который упрощает язык и делает его ярче: «*burp*» – «отрыжка», «*biddu*» –

«старая курица», «уитту» – «пальчики облизнешь», «navu» – «окурок», «cannabis» – «травка», «eye bizz» – «болтовня».

Речь, которую Джейсон использует в своих стихах можно отнести к нейтральной. Здесь он использует различные *стилистические средства* для выражения авторского восприятия (использован перевод Татьяны Боровиковой)

1) «...a big, silent mansion with turret things watched us from the top of the slope. A **peardrop** sun dissolved in a sloped pond. **Superheated flies grand-prixd** over the water. Trees at the height of their blossom **bubbled** dark cream by a rotted bandstand...».

«...С пригорка за нами наблюдал большой молчаливый особняк, из которого торчали башнеобразные штуки. Солнце **цвета грушевых леденцов** растворилось в наклонном пруду. **Перегретые мухи** устроили гонки болидов над водой. У сгнившей эстрады деревья на пике цветения **кипели** темными сливками...»

2) «...And even if you'd torn through **massy** brambles, clawed loose crumbly bricks and'd clambered into the lost tunnel, in that **booming hollowness**, deep beneath the Malvern Hills, even there, for sure, this **tail-chasing wail'd find** you, absolutely, even there».

«...И даже если я прорвусь через **спутанные плети** ежевики, процарапаю ногтями крошащуюся кирпичную стену и заберусь в **забытый туннель** – даже там, в гулкой пустоте глубоко под Мальвернскими холмами **этот вой меня достанет**»

3) «...The fire **spat** fat sparks **up** at pines lining the quarry, up at the moon. Fire's the sun, unwindin' itself out o' the wood».

«...Костер **плевался** жирными искрами в сосны, которые выстроились вдоль края карьера, и в луну. Огонь – это солнце, которое раскручивается из глубины дерева».

4) «...Venus swung bright from the ear of the Moon».

«...Из уха Луны выплывает, сияя, Венера».

Подводя итог, можно отметить, насколько разнообразен язык в рамках сознания одного и того же человека.

На языковое поведение человека мощное влияние оказывает окружающая его жизнь во всем ее разнообразии, говоря научным языком — внелингвистические факторы. В разных ситуациях человек должен вести себя по-разному. Кстати говоря, и это отмечено многими лингвистами, чем более гибко человек переключается с одной ситуации на другую (есть такое целое направление в социолингвистике – «кодовое переключение»), чем он искуснее владеет этим кодовым переключением, тем с большим основанием можно сказать, что он владеет литературным языком в совершенстве.

Библиографический список

1. David Mitchell «Black Swan Green»
2. Татьяна Боровикова «Лужок Черного Лебедя»

И. В. Басюк, Н. П. Перевязка
Филиал Приднестровского государственного университета
им. Т. Г. Шевченко, г. Рыбница

Специфика английских неологизмов в газетных публикациях

На рубеже XX-XXI веков английский язык так же, как и многие другие языки, переживает так называемый «неологический бум», который выражается в появлении большого количества неологизмов. Как известно, «неологизм» в лингвистике определяется как слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия.

За последние три десятилетия были определены основные экстралингвистические факторы, мотивирующие появление неологизмов в английском языке: 1) возникновение новых реалий в жизни человека, нуждающихся в номинации; 2) научно-технический прогресс; 3) глобализация и расширение круга носителей языка; 4) развитие Интернета и рост диалогичности общения.

Интерес к изучению причин появления новых слов, закономерностей и аномалий их образования и употребления не ослабевает в течение многих десятилетий. С одной стороны, в социально и технологически быстро меняющемся обществе у членов языкового коллектива есть непрерывная потребность создавать новые обозначения для себя в новых социальных ролях и профессиональных функциях. С другой стороны, существует постоянная необходимость систематизировать продуктивные способы образования новых единиц, устанавливать синхронические отрезки наибольшей активности тех или иных словопроизводных моделей и отмечать противоположные тенденции к утрате продуктивности.

Теория неологии предлагает различные варианты классификации неологизмов: по видам номинации (собственно неологизмы, трансноминации и семантические инновации) [1], по способу вхождения в язык (фонологические, морфологические, лексические, семантические, фразеологические и визуальные неологизмы) [2], по способу создания с учетом способов словообразования (фонологические, морфологические, семантические неологизмы и неологизмы-заимствования) [1].

Опираясь на имеющиеся в лингвистике наработки по вопросу новых номинаций, мы провели собственный анализ новых лексических единиц в текстах англоязычной прессы. Материалом исследования послужили британские газеты «The Independent» (январь 2014 г.) и «The Guardian» (январь-апрель 2015 г.). Выбор печатной прессы в качестве фактического материала не случаен – пресса в наиболее полной мере отражает нововведения в различных сферах жизни и, соответственно, предполагает наличие большого количества неологизмов, которые называют предметы и явления, возникшие в связи с развитием общества и с появлением новых технологий.

В ходе работы с газетными публикациями нами было выявлено 320 неологизмов, появившихся в английском языке в конце XX – начале XXI веков.

Отобранные лексические единицы были распределены на 9 предметно-тематических групп: 1) характеристика предметов и действий; 2) компьютерные технологии и цифровые устройства; 3) экономика; 4) мода; 5) человек и общество; 6) политика; 7) наука и развитие; 8) спорт; 9) путешествия.

В результате анализа было выявлено количественное преимущество неологизмов предметно-тематической группы «компьютерные технологии и цифровые устройства» (147 единиц). Данный факт можно объяснить бурным развитием компьютерных технологий, компьютерной техники и аксессуаров к ней, что, в свою очередь, ведет к появлению большого количества неологизмов в данных областях. В качестве иллюстраций приведем неологизмы, которые достаточно часто встречаются и в русском языке в виде англоязычных заимствований: *Android, hashtag, Wi-Fi, retweet, spam, selfie, screenshot, trolling, torrent, smartphone, iPhone, iPod, touchscreen, smartwatch, netbook*.

Достаточно многочисленными по количеству неологизмов оказались предметно-тематические группы «человек и общество» (35 единиц) и «характеристика предметов и действий» (44 единицы). Приведем примеры таких новообразований, сопровождая их пояснением из словарей: *jaw-dropping* (causing great surprise or astonishment), *high-end* (higher in price and of better quality than most others), *run-up* (a period of time leading up to an important event), *bolt-on* (able to be easily added to a machine to make it able to do something new), *spot-on* (exactly correct), *let-down* (something that is disappointing because it is not as good as you expected it to be), *comfy* (comfortable), *knock-off* (a cheap or inferior copy of something), *meltdown* (a very fast loss of emotional self-control), *upbeat* (positive and enthusiastic; making you feel that the future will be good).

Следует отметить, что практически все неологизмы в двух вышеописанных группах помимо своей основной номинативной функции выполняют функцию стилистическую, раскрывая различные характеристики предметов, описывая состояние людей и предметов. Слова такого рода характеризуются сильным эмоциональным значением и экспрессивностью, что, по сути, сближает их с окказиональными новообразованиями.

Меньшее число неологизмов отмечено в тематических группах «наука и развитие» (26 единиц), «экономика» (26 единиц), «путешествия» (17 единиц), «мода» (11 единиц), «политика» (9 единиц) и «спорт» (5 единиц). Мы можем предположить, что в данных сферах жизни происходит меньше изменений, что и предполагает менее активное создание неологизмов.

Следующим шагом в нашем исследовании был анализ неологизмов по видам номинации. При этом мы опирались на классификацию, предложенную В. И. Заботкиной [1]. В результате *собственно неологизмы* – слова, сочетающие новую форму с новым значением – составили 81 новую лексическую единицу. Большая часть собственно неологизмов отмечена в области компьютерных технологий. Причины появления новообразований именно в данной области мы уже объясняли бурным развитием компьютерных технологий.

Приведем примеры: *Skype* (a telephone system that works by direct communication between users' computers on the Internet, without the need for a central server), *smartphone* (a cell phone that includes additional software functions, as e-mail or an Internet browser), *to unfriend* (to remove somebody from a list of friends or contacts on a social networking website), *hashtag* (a word or phrase preceded by the symbol # that classifies or categorizes the accompanying text), *retweet* (a message sent using the Twitter social networking service), *podcast* (Audio Web-cast of a radio show or blog offered as an MP3-format file download, designed to be listened to with an iPod or similar personal audio player), *selfie* (a picture you take of yourself), *cyberbullying* (the electronic posting of mean-spirited messages about a person (as a student) often done anonymously) и др.

Трансноминации – лексические единицы, сочетающие новую форму со значением, передававшимся другой формой – составили 149 единиц. Продемонстрируем примеры таких неологизмов: *spot-on*, *show-stopping*, *hands-on*, *in-depth*, *laid-back*, *upbeat*, *bone-chillingly*, *off-beat*, *to kick off*, *stellar* и др.

К *семантическим инновациям*, в которых уже имеющаяся в языке форма подвергается переосмыслению, мы отнесли 90 неологизмов. Так, к примеру, неологизм *android* (a type of operating system, designed for mobile devices, which controls the way the device works and runs apps) первоначально имел значение «a robot that looks like a real person»; *spam* (SPiced hAM) – e-mail that is not wanted: e-mail that is sent to large numbers of people and that consists mostly of advertising) – ранее известное значение данной лексической единицы можно определить как: «finely chopped cooked meat that has been pressed together in a container, usually sold in cans and served cold in slices». Существительное *freeze* расценивается как неологизм в значении «the act of keeping wages, prices, etc. at a particular level for a period of time», в то время как исходное значение слова «an unusually cold period of weather during which temperatures stay below 0 Celsius».

Все неологизмы, отобранные из газетных статей, в ходе исследования были детально проанализированы также с точки зрения способа их создания. Основной анализа послужила классификация Л. Гирберта [1]. Результаты исследования показывают, что самым продуктивным способом образования среди пяти выделяемых Л. Гирбертом является морфологический способ. При этом среди словообразовательных моделей самыми продуктивными оказались словосложение и аффиксация.

К неологизмам, образованным путем сложения основ, можно отнести новообразования с различными компонентами:

1) с компонентом *-up*: *pop-up* (that can be brought to the screen quickly while you are working on another document), *shake-up* (a situation in which a lot of changes are made to a company, an organization, etc. in order to improve the way in which it works), *top-up* (a payment that you make to increase the amount of money, etc. to the level that is needed) и др.

2) с компонентом *-off*: *off-peak* (happening or used at a time that is less popular or busy, and therefore cheaper), *knock-off* (a cheap or inferior copy of something), *off-beat* (different from the ordinary, usual, or expected) и др.

3) с компонентом *-out*: *roll-out* (an occasion when a company introduces or starts to use a new product), *standout* (a person or thing that is very noticeable because they are or it is better, more impressive, etc. than others in a group), *all-out* (in a very determined way using every possible effort) и др.

4) с компонентом *-on*: *spot-on* (exactly correct), *bolt-on* (able to be easily added to a machine, etc. to make it able to do something new).

5) с компонентом *-down*: *let-down* (something that is disappointing because it is not as good as you expected it to be), *meltdown* (a very fast loss of emotional self-control), *run-down* (an explanation or a description of something), *downbeat* (dull or depressing; not having much hope for the future).

6) с компонентом *-must*: *a must-visit* (something that one must visit), *must-have* (something that is necessary to have or get).

7) с компонентом *-back*: *laid-back* (calm and relaxed; seeming not to worry about anything), *bounceback* (success or development after having difficulties).

8) с компонентом *-in*: *in-depth* (very thorough and detailed), *phone-in* (a radio or television program in which people can telephone and make comments or ask questions about a particular subject).

9) с компонентом *-geo*: *to geo-tag* (to add data to a digital photo or video that identifies the location depicted).

В ходе анализа были также выявлены неологизмы, образованные путем *аффиксации*, то есть при помощи префиксов (преимущественно латинского и греческого происхождения) и суффиксов: *anti-virus* software (designed to find and destroy computer viruses), *cyberpiracy* (the act of making illegal copies of DVDs, computer programs, books, etc. in order to sell them), *interface* (the way a computer program presents information to a user or receives information from a user, in particular the layout of the screen and the menus), *megabit*, *terabytes* (a unit of computer memory or data).

Среди неологизмов, образованных на основе суффиксации, можно отметить следующие: *hacker* (a person who secretly gets access to a computer system in order to get information, cause damage, etc.), *blogger* (a person who writes blogs), *beanie* (a small, round close-fitting hat), *shelfie* (image of a bookshelf taken by its owner), *trolling* (the act of intentionally disrupting online communities), favoritism (the act of unfairly treating one person better than others because you like them better), *to personalize* (to design or change something so that it is suitable for the needs of a particular person), *televise* (broadcast on television), *to finalize* (to complete the last part of a plan, trip, project, etc.), *refusenik* (a person who refuses to obey an order or law as a protest), *brinkmanship* (the practice of causing or allowing a situation to become extremely dangerous in order to get the results that you want), *innovation* (the introduction of new things, ideas or ways of doing something).

Отдельную группу составляют неологизмы, образованные *слиянием* двух и более основ: *heli-skiing* (downhill skiing on remote mountains reached by helicopter), *bluetooth* connection (an open standard for short-range and low speed wireless transmission of digital voice and data in the unlicensed 2.4GHz band), *smartphone* (a cell phone that includes additional software functions (as e-mail or an Internet

browser), *jet-set* arrivals (arrivals of rich and fashionable people who travel a lot), *think-tank* (a group of experts who provide advice and ideas on political, social or economic issues), *darknet* (a collection of websites inaccessible without special software and often associated with criminal activity), *smartwatch* (a watch with the functions of a computer), *stackoverflow* (system of questions and answers concerning programming), *screenshot* (an image of the display on a screen, used when showing how a program works), *username* (a pseudonym used by people who create an account on a website. It is often fictitious but it can also be someone's real name), *soundtrack* (all the music, speech and sounds that are recorded for a film/movie).

В ходе анализа нами были отмечены также неологизмы, образованные путем *конверсии*, то есть перехода слова из одной части речи в другую: *to flag* (to put a special mark next to information that you think is important), *to video* (to film somebody/something using a video camera), *to cushion* (to protect somebody/something from being hurt or damaged or from the unpleasant effects of something), *to google* (to research a topic through the online Google search engine data base), *to post* (to put information or pictures on a website).

Сокращение – еще один из способов словообразования. Проанализировав газетные статьи, мы выделили следующие неологизмы, образованные данным способом: *tech* (technical), *sci-fi* (of relating to, or being science fiction), *hi-tech* (high-technical), *Wi-fi* (wireless fidelity), *telly* (a television set), *spam* (SPiced hAM), *Oxbridge* education (the universities of Oxford and Cambridge when they are thought of together), *blog* (web+log), *phablet* (phone and tablet).

Одним из видов сокращения является *аббревиация*. Нами были отмечены следующие неологизмы-аббревиатуры: *SD* card (secure digital card), *PC* (personal computer), *GPS* (global positioning system), *PIN* (personal identification number), *4G* (fourth generation), *HD* (high-definition), *URL* (universal resource locator).

Итак, количество неологизмов в проанализированных статьях англоязычных газет свидетельствует о развитии языка, о появлении в различных сферах жизни большого количества нововведений, явлений, которые нуждаются в номинации, что и служит причиной появления неологизмов. Самым значительным путем образования неологизмов является создание их за счет словообразовательных ресурсов английского языка. Неологизмы отражают важные события культурной, политической и других сфер жизни общества. Изучение неологизмов и их функционирования позволяет выявить основные пути пополнения языка неологизмами, наиболее активно действующие способы и модели образования неологизмов, определить тенденции развития лексической системы языка.

Библиографический список

1. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка : учебное пособие для филол. фак. ун-тов / В. И. Заботкина. – М. : Высшая школа, 1989. – 126 с.
2. Рец, И. В. Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неоминимации : дис... канд. филол. наук / И. В. Рец. – Волгоград, 2014. – 201 с.

3. The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 30.04.2015).

4. The Independent. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk> (дата обращения: 25.04.2015).

5. The Oxford Dictionary of New Words (ODNW) / ed. by E.M. Knowles, J. Elliot. – Oxford University Press, 1997. – 357 p.

Е. Р. Иванова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Новеллы Э. Т. А. Гофмана в контексте литературы немецкого бидермейера

Исследование литературного бидермейера заставляет иначе взглянуть на творчество немецких писателей 10-20-х гг. XIX в., пересмотреть уже ставшие традиционными точки зрения относительно их творческого метода. Гофман кажется навсегда вписанным исследователями в рамки романтизма, хотя его поздние новеллы можно рассматривать и как образец прозы бидермейера.

В 1822 г. он пишет новеллы «Угловое окно» и «Мастер Иоганн Вахт», в которых можно увидеть и исчерпанность романтизма, и сближение с бидермейеровскими идеями бытия. Как непохожий герой «Углового окна» в «нарядном варшавском шлафроке» и с «праздничной турецкой трубкой» на мятущихся, больных душой романтических персонажей. Конфликт с окружающим миром приводит романтического героя к тоске, выраженной болезненным состоянием, и затем к гибели (Натанаэль «Песочный человек», Крейслер «Житейские воззрения кота Мурра», реальные судьбы Новалиса и Г. Клейста). В новелле «Угловое окно» недуг главного героя вначале вводит его в состояние депрессии: «Мне пришел конец. Я напоминаю себе старого сумасшедшего живописца... Я должен отказаться от той действительной творческой жизни, источник которой во мне самом, она же, воплощаясь в новые формы, роднится со всем миром. Мой дух должен скрыться в свою келью» [2, Т. 2, с. 488]. Это характерный монолог романтического героя. Однако болезнь, лишившая несчастного возможности двигаться и даже писать, подарила ему новое удовольствие – наблюдать, «глаз, по-настоящему умеющий видеть». Жизнь, увиденная им из окна комнаты, словно вдохнула в него новые силы. «Но вот это окно – утешение для меня; здесь мне снова явилась жизнь во всей своей пестроте, и я чувствую, как мне близка ее никогда не прекращающаяся суетня» [2, Т. 2, с. 490].

Таким образом, Гофман утверждает мысль о том, что обыденная жизнь может быть источником вдохновения. Реальность представлена в новелле как явление, слагающееся из позитивных черт. В этом состоит одна из важнейших точек пересечения позднего романтизма и бидермейера, после которой их различия почти стираются, и поэтому новелла Гофмана «Мастер Иоганн Вахт» воспринимается как произведение, написанное по канонам бидермейера.

Герой из третьего сословия – Вахт – «человек бюргерского звания, о котором можно было сказать, что он был во всех отношениях редкий и превосходный человек» [2, Т. 2, С. 165]. Следуя дилемме Гофмана, можно утверждать, что Вахт – «музыкант», но «музыкант» особого рода, он прекрасный плотник. Незамысловатая история его жизни, изложенная на первых страницах новеллы, представляет экспозицию для основных сюжетных перипетий, которые больше напоминают действия бюргерских драм, чем романтической прозы. Во второй части новеллы Вахт – не столько искусный мастер, сколько отец семейства, для которого превыше всего оказывается счастье его дочерей Реттель и Нанни. Он является воплощением материального мира и поэтому просто не воспринимает все субъективное (например, он ссорится со своим приемным сыном из-за выбранной юношей профессии юриста, считая, что тот, кто не производит никаких материальных ценностей, мошенник).

Новелла наполнена бытовыми зарисовками, описаниями одежды, перечислением блюд и прочими реалиями обыденной жизни. Причем сам автор часто обращается к читателю с советом (как, например, «обращаться с баварскими пышками») или рассуждает о покрое женского чепчика. Более того, в новеллу вставлена история о том, как «венгерский граф Ц. . . , обладая более, нежели миллионным состоянием, женился по любви на одной очень бедной девушке», которая очень напоминает сюжет из произведения тривиальной литературы. В этих новеллах Гофмана «основополагающие принципы романтизма рушатся, при этом не превращаясь в реализм; «Угловое окно» как теоретическая программа, «Мастер Иоганн Вахт» как ее осуществление – это бидермейер» [4, с. 143], поэтому творческий путь писателя можно рассматривать как движение от романтизма к бидермейеру.

Однако оно не завершилось у Гофмана отказом от романтических идей. Важно отметить, что все гофмановские зарисовки в духе бидермейера воспроизводят события конца XVIII в., именно это время писатель рассматривает как «бюргерскую идиллию». Современный мир у Гофмана, мир послевоенной Германии, представлен в картине будничного Берлина, где «по Унтер-ден-Линден, разодетые по-праздничному, к Тиргартену пестрой вереницей тянутся вперемежку щеголи, бюргеры всем семейством, с женами и детками, духовные особы, еврейки, референдарии, гуляющие девицы, ученые, модистки, танцоры, военные и так далее. Столики у Клауса и Вебера нарасхват; дымится морковный кофе, щеголи закуривают сигары, завсегдатаи беседуют, спорят о войне и мире, о том, какие в последний раз были на мадам Батман башмачки – серые или зеленые, о «замкнутом торговом государстве», о том, как туго с деньгами, и так далее. . . » [2, Т. 1, с. 47]. Этот обыденный мир образует топос филистера, который по-прежнему противопоставлен всему идеальному, романтическому. Романтическое двоемирие переосмыслено Гофманом с учетом общей динамики романтизма. Оно перенесено писателем в реальный мир, в котором он отныне будет находить приметы прекрасного и возвышенного в повседневной жизни, поскольку он «одинаково ощущает и засасывающий характер тины повседневности, и отчаяние обыкновенной жизни. . . Зная высочайшие страдания человеческой души,

бесстрашно заглядывая в бездны отчаяния, он не остается глух и к успокоительной устойчивости банального» [1, с. 487].

В новелле «Выбор невесты» (1820) Гофман представляет «бидермейеровские синтезы романтизма и здравомыслия» (А. В. Михайлов) [3, с. 338]. Ювелир Леонгард Турнхейзер удивительным образом сочетает в себе способность воздействовать на мир волшебными силами и стремление к обыденности. При этом колдовские чары подвластны ему, когда он выступает как золотых дел мастер, живущий еще в XVI в., а мечтает о спокойной жизни как обыватель XIX в., современник Гофмана. «...Люди, которых принято называть романтиками и фантазерами, – говорит Леонгард, – выдавая меня за Турнхейзера, а значит, за привидение, подвергают меня большим неприятностям со стороны людей положительных и просвещенных, которым, как честным бюргерам и дельцам, плевать на романтику и поэзию. Даже здравомыслящие литературные критики ополчаются на меня и преследуют..., изо всех сил стараясь испортить мне то скромное существование, на которое я притязую» [2, Т. 1, с. 574]. Интересно, что выбор невесты в новелле для претендентов на руку Альбертины завершается отнюдь не свадьбой, а получением желаемого подарка, способного заменить экс-жениху его избранницу. Книги, деньги, путешествие в Италию, то есть реальные блага, были приняты с восторгом взамен женитьбы. Гофман таким образом показывает, что романтические чувства исчезают под влиянием реалий окружающего мира, уступая место практицизму, расчету, принятию мира таким, каков он есть.

Оставаясь в истории немецкой литературы одним из самых ярких представителей романтизма, Гофман открыл новые возможности творческого освоения окружающего реального мира, не отказываясь от романтических идеалов. Этим, пожалуй, ограничивается вклад Гофмана в развитие литературного бидермейера, так как взгляд писателя на окружающий мир исполнен иронии. Романтическая ирония в творчестве Гофмана значительно меняет конечный смысл сходных с раннеромантической практикой художественных образов и эстетических настроений, но она же и не позволяет оценивать произведения писателя как бидермейеровские. В творчестве писателей следующего поколения романтическая ирония сменится «ласковым укором», благодаря чему романтический идеал, постепенно растворяясь в реальности, трансформируется в бидермейеровские идиллии.

Библиографический список

1. Ботникова, А. Б. Поэзия и правда Э.-Т.-А. Гофмана / А. Б. Ботникова // Hoffman E. T. A. Auswahl. Moskau : Raduga, 1984.
2. Гофман, Э. Т. А. Угловое окно // Избранные произведения : в 3 т. / Э. Т. А. Гофман – М. : Художественная литература, 1962. – Т. 1, 2.
3. Михайлов, А. В. О Людвиге Тике, авторе «Странствий Франца Штернбальда» / А. В. Михайлов // Странствия Франца Штернбальда / Л. Тик. – М. : Наука, 1987.

4. Федоров, Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма : структура и семантика / Ф. П. Федоров. – М. : МИК, 2004.

О. А. Иванова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Имплицитность и подтекст как категории семантического пространства художественного текста

В настоящее время возрос интерес к вопросам вторичных, множественных смыслов художественного текста, что позволяет увидеть иные аспекты толкования языкового знака в процессе его функционирования, выявить его скрытые глубины, сформировать конструктивное направление интерпретации художественного произведения.

Художественный текст предназначен не для зеркального отражения мира на формально-логическом уровне познания, а для передачи духовного света как главного его содержания на высшей ступени познания через скрытое иносказание, подтекст. Следовательно, художественное произведение есть живая динамика открытого в бесконечность конструктивного процесса формирования символического смысла. В данном контексте имплицитность и подтекст являются его сущностными категориями.

Имплицитность и подтекст – трудно разграничиваемые категории, поскольку обе являются вариантом подразумевания и, как правило, присутствуют в тексте параллельно, взаимодействуя друг с другом. Если обратиться к различным трактовкам обозначенных категорий, то проблема их разграничения будет связана с тем, что они затрагивают совокупность как внешних, так и внутренних закономерностей организации семантического пространства художественного текста.

И. В. Арнольд выделяет импликацию, трактуя ее как дополнительно подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста, но ими вербально не выраженный [1, с. 84-85]. Текстовая импликация, по мнению исследователя, реализуется в микроконтексте, границы которого определяются его референтом – изображенной в тексте ситуацией. Импликация учитывает историческую эпоху, культуру, творческую и личную биографию писателя и т. д. Она требует подключения экстралингвистического контекста, фоновых знаний адресата. И. В. Арнольд подчеркивает ситуативный характер импликации, что отличает ее от подтекста, который реализуется в макроконтексте всего произведения, на референтном уровне всего сюжета, темы, идеи и т. д.

Исследователь Н. В. Шевченко понимает подтекст как более общую категорию и относит к подтекстовой информации «пресуппозицию, символ, импликацию, ассоциативный и ситуативный подтекст, контрапункт» [10, с. 28].

Несомненный интерес в плане освещения некоторых аспектов подтекстовой информации представляют исследования В. А. Кухаренко, которая использует понятия импликации и подтекста как синонимичные, трактуя их как дополнительное смысловое или эмоциональное содержание, реализуемое за счет нелинейных связей между единицами текста [6, с. 72].

Исследователь Т. И. Сильман [7, с. 7] считает, что общая схема подтекста есть не что иное, как рассредоточенный повтор. Суть его заключается в дистанцированном столкновении двух исходных отрезков текста: ситуации-основы и ситуации-повтора, все звенья которых вступают в сложные взаимоотношения. Это привносит совершенно новые оттенки в восприятие текста, погружая читателя в атмосферу ассоциаций и смысловых переключек. Исследователь обращает внимание на однородность различных механизмов возникновения подтекста и трудное, практически невозможное разведение их при анализе. В таком случае текст является результатом скрытого механизма ассоциативного мышления.

Особый взгляд на механизм возникновения подтекста – у И. Р. Гальперина, изучающего подтекст как один из типов информации в тексте. Исследователь вводит новые параметры «информационного поля». В основе содержательно-подтекстовой информации (СПИ) наблюдается способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях или к восприятию разных, но связанных между собой отношений одновременно. По И. Р. Гальперину, подтекст существует с вербальным выражением и сопутствует ему, он запланирован создателем текста [4, с. 42]. В связи с этим исследователь выделяет два вида подтекста: ситуативный (дистантный повтор в концепции Т. И. Сильман) и ассоциативный. Первый детерминирован взаимодействием сообщенного ранее с изложенным в данном отрывке. Второй возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом (фоновыми знаниями) [4, с. 45]. Таким образом, подтекст – это скрытая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации (СФИ) в макроконтексте произведения благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативное и коннотативное значения, а также благодаря способности предложений внутри сверхфразового образного единства (СФОЕ) развивать дополнительные текстовые смыслы.

Большинство исследователей (Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, Н. А. Купина, В. А. Кухаренко, И. Я. Чернухина и др.) говорят о заданности подтекста, о невозможности субъективных толкований. Подтекстовая информация запланирована автором, выражена и не выражена вербально, но обозначена различными маркерами. Подтекстовое содержание передается в «...таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем» [8, с. 12].

К. А. Долинин такое содержание и называет подтекстом [5, с. 37]. Исследователь отмечает, что «имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте каких-то «лакун» – пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий, нарушений каких-то норм» [5, с. 42]. Если же принимать во внимание, что

приемы выразительности всегда построены на неожиданной лексической сочетаемости, которую можно трактовать как нарушение общеязыковой нормы, то вполне логично говорить о том, что средства образности (метафора, метонимия, эпитет, сравнение) всегда будут сигнализировать об имплицитной информации и являться своеобразным ключом к постижению последней. Однако нужно заметить, что понимание читателем таких нормативных «нарушений» осуществляется в соответствии с его тезаурусом и тем, что имеется в тексте. По образам, аналогиям, выраженным средствами языка, читатель «...восстанавливает опущенное и недосказанное, механизмом возникновения подтекста являются в его мозгу ассоциации между теми или иными элементами эксплицитного содержания текста и представлениями и понятиями, связанными с ними в действительности» [5, с. 39]. Данные ассоциации и позволяют соотнести новую информацию с уже имевшейся в прошлом опыте читателя.

Нельзя не согласиться с Г. И. Богиным в том, что, говоря о субстанциональной стороне понимания текста, необходимо разграничивать «содержание», «смысл» и «значение», а понимание текста трактовать как «понимание мыслей» (то есть смыслов). Смысл схватывается рефлексно в ходе распремечивания средств текста. Именно смысл порождает неопределенность, размытость и, соответственно, связан с имплицитностью. Смысл же целого текста – это «...та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [3, с. 93-94].

Углубляя эту мысль, И. Я. Чернухина отмечает, что имплицитное содержание возникает на композиционно-синтаксическом уровне в результате определенного соположения компонентов художественного текста, смыслы которых вступают во взаимодействие и вследствие этого порождают новую семантику, не имеющую формального воплощения на лексическом уровне [9, с. 18]. «Поэтому в совокупности с содержанием смысл образует весь состав интеллектуальных актов – содержательность, т.е. все единицы текста герменевтически релевантны. При этом средства прямой номинации не имеют никаких преимуществ сравнительно с импликациями, метафоризациями и другими непрямыми средствами...» [9, с. 60].

Таким образом, подтекст – это сложное явление, представляющее собой единство различных уровней языка, лексического и синтаксического, входящее при этом в план общекомпозиционных связей литературного произведения. Подтекст реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения. Импликация же создается преимущественно контактно расположенными лексическими элементами. Важная черта подтекста и текстовой импликации состоит в том, что оба вызывают эмоциональное и оценочное отношение читателя к тому, о чем рассказывается. В связи с этим более целесообразно рассматривать импликацию и подтекст как синонимы, как явление, которое реализуется в рамках микроконтекстов художественного текста, формируя его концепт, концептуальную информацию,

находящуюся с подтекстом в отношении «общее – частное» и составляющую с ним подтекстовый пласт произведения.

Подтекст и имплицитность в равной степени связаны со смыслом художественного текста. Ведь интерпретатор, пытаясь постичь скрытую текстовую информацию, опирается, прежде всего, на собственный опыт понимания произведения, а языковые маркеры постоянно соотносит с моделью уже постигнутого им смысла текста. Импликация и подтекст создают глубину содержания, но в разных масштабах: в подтексте это дополнительное содержание углубляет сюжет, ведет свою смысловую линию, помогает более полному раскрытию главных тем произведения; текстовая же импликация отражает обстановку отдельного коммуникативного акта, поступка или действия, составляющих отдельное звено сюжета – эпизод. Импликация, в отличие от подтекста, смысл не меняет, а только дополняет и вводит элементы субъективной и эмоциональной оценки.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83-91.
2. Арнольд, И. В. Статус импликации в системе текста / И. В. Арнольд // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. – Л., 1985. – С. 68-83.
3. Богин, Г. И. Субстанциональная сторона понимания текста / Г. И. Богин. – Тверь, 1993. – 137 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 138 с.
5. Долинин, К. А. Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37-47.
6. Кухаренко, В. А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной речи (на материале прозы Э. Хемингуэя) / В. А. Кухаренко // Филологические науки. – 1974. – № 1. – С. 72-81.
7. Сильман, Т. И. Подтекст как лингвистическое явление / Т. И. Сильман // Филологические науки. – 1969. – № 1. – С. 84-90.
8. Урнов, Д. Мысль изреченная и скрытая (о подтексте в современной прозе) / Д. Урнов // Вопросы литературы. – 1971. – № 7. – С. 52-73.
9. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж, 1984. – 116 с.
10. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста / Н. В. Шевченко. – М., 2003. – 160 с.

Е. И. Камнева

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Лексико-стилистические особенности переводов романа

Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»

Язык – важнейшее средство для общения, обмена информацией и мыслями для людей. Когда два человека владеют одним и тем же языком, то для них нет никаких препятствий и трудностей, но бывает так, что при общении на двух разных языках обмениваться мыслями не так уж и просто. Именно тогда людям необходимо прибегнуть к переводу, как говорил В. В. Виноградов, к «вызванному общественной необходимостью процессу и результату передачи информации (содержания), выраженному в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного (адекватного) текста на другом языке». Обычно о переводе говорят «с одного языка на другой», но однозначно о языках говорить нельзя, ведь в переводах сталкиваются культуры, эпохи, жанры литературы, уровни развития и др. Таким образом, перевод – очень важное средство, обеспечивающее выполнение языком его коммуникативной функции в тех случаях, когда люди выражают свои мысли на разных языках.

Историю перевода, по всей видимости, необходимо вести с периода возникновения письменности или же с того времени, к которому относятся первые письменные переводы, которые дошли до нас. Несомненно, устный перевод присутствовал и раньше, хоть говорить о его принципах и нормах почти невозможно, не делая упора на некоторые свидетельства.

Что касается переводоведения России, то оно ведет начало с древнейших времен, но активная переводческая деятельность началась со второй половины 18 века и продолжается по сей день.

Неоценимый вклад внес в отечественный перевод период середины расцвета Советского Союза. Появляются такие «звезды» перевода, как М. Лозинский, Т. Щепкина-Куперник, С. Маршак, Н. Лавров, Н. Любимов, Е. Калашникова и многие другие.

Однако настоящий «переводческий бум» начался после завершения Второй мировой войны, появились новые виды обмена информацией и, следовательно, новые виды переводов, например, синхронный, дублирование телепрограмм, фильмов и радиопередач. В начале 50-х годов профессия переводчика становится одной из самых популярных, поэтому даже во многих учреждениях появляются отделы переводчиков. Но, стоит отметить, что переводами тогда занимались не только дипломированные специалисты, но и представители других профессий.

Серьезные изменения произошли после распада Советского Союза: прекратилось финансирование государственных издательств переводной литературы, произошло закрытие большинства из них, отмена цензуры, что повлекло за собой активные переводы тех произведений, которые раньше были запрещены. Также появилось много частных издательств, что вызвало существенное повышение цен на книги, но в то же время качество их значительно понизилось. Тогда книжный рынок был полон детективов и эротических романов.

Значительную массу всех переводимых произведений составляли переводы с английского. Но при этом спрос явно превышал предложение, поскольку

переводами активно стали заниматься и непрофессионалы, что, конечно же, не могло не сказаться на качестве переводных текстов.

Но, несмотря ни на что, перевод в России по-прежнему остается высоким искусством, а талантливые, образованные и ответственные профессионалы вносят огромный вклад в развитие не только искусства перевода, но и отечественной культуры в целом.

Среди переводимых зарубежных авторов были такие фамилии как Э. Хэмингуэй, Б. Шоу, Ч. Диккенс, Ф. Фицджеральд и многие другие. Их произведения известны всем и каждому, а для переводчиков это огромная ответственность – переводить столь серьезные вещи.

Свое внимание хотелось бы оставить на творчестве Фрэнсиса Скота Фицджеральда. Говоря о его детстве, очень важно отметить, что семья писателя происходит из довольно древнего рода аристократов Ирландии, который был одним из самых влиятельных. Но отец Фицджеральда не смог добиться успеха и обанкротился, и вследствие этого их семья оказалась в самом низу сословной лестницы. И в связи с этим, поменялось отношение людей к писателю и его семье. Естественно, что сам Фицджеральд чувствовал это неравенство между богатыми и бедными. С этим связано в его творчестве постоянное внимание к миру богатых людей. Но этот мир его и манил, и отталкивал одновременно.

Историю восприятия творчества Фицджеральда можно проследить в несколько этапов. Но вершиной творчества писателя, безусловно, можно считать роман «Великий Гэтсби». Литературоведы США высоко оценивают критическую направленность лучшего произведения Фицджеральда, ведь трагедия Гэтсби не только трагедия одного человека, это трагедия нации.

Конечно, выйдя в свет, роман сразу привлек внимание и заполучил любовь читателей и критиков. Довольно быстро стали появляться отзывы на страницах самых известных газет и журналов. Критики достойно оценили профессионализм писателя века джаза, которому удалось продемонстрировать современную Америку 20-х годов XX века гениально точно и философски глубоко.

Композиция романа выстроена таким образом, что рассказчик имеет доступ ко всем тайнам произведения. Иногда даже удивляешься, откуда он знает все и отчего все события и ситуации, происходящие в романе, непременно связаны с Ником Каррауэи, который, собственно, и является рассказчиком. Как и в самом романе, так и в его переводах есть что-то такое необычное: собственный ритм, который построен на вплетении множества нитей в целое полотно повествования. Центростремительная сила управляет любым, не самым большим фрагментом повествования, тем самым делая его частью целого, и в конечном итоге, цельного произведения. В «Великом Гэтсби» нет лишнего, что могло бы отвлечь читателя или же направить его мысли в ненужное русло, каждая мельчайшая деталь осмысленна и выполняет свою функцию. И каждый из переводчиков не старается непременно добавить своего стиля в перевод этого произведения, понимая, что превзойти Фицджеральда не представляется возможным.

Писатель воплотил в жизнь свой творческий замысел, создал такое произведение, образность которого обогащается от фрагмента к фрагменту. Характеры

и образы персонажей стали разносторонними и таинственными, они раскрываются на страницах романа всегда с новой стороны. В этом состоит и грандиозная работа переводчиков. Им необходимо представить этих героев, чтобы у читателя не возникло чувства прекратить чтение, так как зачастую, прочитав оригинальное произведение, люди теряют интерес к его переводам, подозревая их в неверности передачи настроения и стиля подлинника.

За основу исследования были взяты наиболее известные переводы двух разных переводчиков: Е. Д. Калашниковой и Н. Н. Лаврова. Нельзя не отметить их главного различия, которое состоит в том, что Калашникова, в отличие от Лаврова, старается избегать категоричности и в некотором роде даже грубости, за счет использования нейтрального стиля повествования.

Например, в оригинале романа фраза «the poor son-of-a-bitch»: в переводе Е. Д. Калашниковой звучит как «бедняга», а в переводе Н. Н. Лаврова – «бедный сукин сын». Также взятая из оригинала фраза «one of that bunch that hangs around with»: в переводе Е. Д. Калашниковой обозначена как «из банды», в переводе Н. Н. Лаврова – «ошиваться в банде». Еще одним примером является фраза «a God damned lie»: в переводе Е. Д. Калашниковой – «бессовестная ложь», в переводе Н. Н. Лаврова – «наглое и беспардонное вранье». Но в перевес переводу Е. Д. Калашниковой, Н. Н. Лавров довольно часто использует устойчивые сочетания слов, такие как «расхлебывать кашу», «без зазрения совести», «прожигатель жизни» и др. В то время, как в переводе Е. Д. Калашниковой такие сочетания и вовсе отсутствуют.

Еще большее расхождение в переводах наблюдалось в том эпизоде, где описывалась внешность героини – Дэйзи. Описывая ее, Фицджеральд передает черты ее лица в предложении, в котором мы видим довольно привлекательную и яркую внешность героини: «Her face was sad and lovely with bright things in it, bright eyes and a bright passionate mouth». Если переводить буквально, то «ее лицо было печально и красиво, с яркими чертами – яркими глазами и ярким чувственным ртом». В переводе Е. Д. Калашниковой впечатление от перевода отличается от оригинала. Она перевела это предложение так: «лицо Дэйзи, миловидное и грустное, оживляли только яркие глаза и яркий чувственный рот». Сразу бросается в глаза добавление глагола оживлять, обозначающего «сделать более ярким, выразительным, привлекательным», употребление которого дает основание полагать, что лицо героини в целом невыразительно. А также, изменив порядок прилагательных в переводе (sad and lovely → миловидное и грустное) особый акцент приобретает последнее определение, то есть грустное, тогда как автор оригинала акцентирует внимание на яркости и привлекательности своей героини.

Н. Н. Лавров еще больше отклоняется от оригинала. В его переводе Дэйзи можно увидеть с «миловидным и грустным, в чем-то даже стандартным лицом, которое украшали только сияющие глаза и броский чувственный рот». Вдобавок к переводу оригинала переводчик добавляет информацию, отсутствующую у

Фицджеральда, и выражается это сочетанием «в чем-то даже стандартное», приобретающим в данном контексте негативное значение и искажающим коммуникативную информацию оригинала.

Большинство приемов, которые использовали переводчики, еще предстоит анализировать, но и проведенное поверхностное исследование уже позволяет понять, что каждый из переводов имеет свои отличительные особенности, стиль повествования.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1967.
2. Калашникова, Е. Д. Великий Гэтсби / Е. Д. Калашникова. – Санкт-Петербург, 1965.
3. Лавров, Н. Н. Великий Гэтсби / Н. Н. Лавров. – М., 2000.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

А. А. Кузьмина

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Лингвистические и экстралингвистические средства изображения войны и ее последствий в романе Пэт Баркер «Возрождение»

В настоящее время продолжает активно разрабатываться вопрос переосмысления исторических событий. В этой связи большую популярность приобретают произведения современных авторов, отражающих новое видение событий столетней давности. Английская писательница Пэт Баркер в своем военном романе «Возрождение» пытается вывести читателя из коллективной литературной амнезии. Более того, в последнее десятилетие, особенно в странах Западной Европы, вновь возник большой интерес к истории Первой мировой войны, при том, что Англия накануне Первой мировой войны была одной из сильнейших держав с развитой наукой, искусством и промышленностью. Но произошло достаточно много событий, которые подтолкнули страну к вступлению в мировой конфликт [3].

Пэт Баркер – одна из самых влиятельных английских романистов современности. Британская газета «The observer» внесла трилогию «Возрождение» в список «десяти лучших исторических романов». Роман «Возрождение» описывает влияние Первой мировой войны на британских офицеров и солдат, проходящих лечение в военном госпитале Крейглокхарт в Шотландии. Пэт Баркер фокусируется на травмах, воспоминаниях и восстановлении пациентов. В романе автор ссылается на реально существовавших людей: Зигфрид Сэссун и Уилфред

Оуэн, которые являются главными героями, во время Первой мировой войны были известными поэтами. Молодые люди познакомились в госпитале и впоследствии стали друзьями. Доктор Уильям Риверс, психиатр, лечащий пациентов, также существовал в действительности. И только образ Билли Праэра, который также играет важную роль в произведении, полностью придуман писательницей [4].

В данной статье мы рассмотрим лингвистические и экстралингвистические средства изображения войны и ее последствий, которые использовала Пэт Баркер в романе.

Под выразительностью речи подразумеваются такие ее особенности, которые позволяют усилить впечатление от прочитанного или услышанного, вызвать интерес и поддержать внимание у адресата, воздействовать не только на его разум, но и на чувства, воображение. Самостоятельность мышления автора речи – одно из условий выразительности. Это предполагает глубокое и всестороннее знание предмета сообщения. Также важную роль в выразительности речи является отношение автора к содержанию высказывания. Внутренняя убежденность говорящего (пишущего) в значимости высказывания, интерес, равнодушие к его содержанию придает речи (особенно устной) эмоциональную окраску. Равнодушное же отношение к содержанию высказывания приводит к бесстрастному изложению истины, которое не может воздействовать на чувства адресата [2].

Языковые средства выразительности традиционно называют риторическими фигурами. Это стилистические обороты, целью которых является усиление выразительности речи. Они направлены на обогащение речи, придание ей яркости, и, следовательно, способны привлечь внимание читателя или слушателя, возбудить в нем эмоции, заставить задуматься.

Наравне с языковыми средствами в общении часто появляются разнообразные неязыковые: мимика, жесты, взгляды, улыбки, позы. Эти средства принадлежат к паралингвистическим, или экстралингвистическим [1].

Роман начинается с письма, опубликованного Сэссун, в котором он говорит о несправедливости, жестокости и бесполезности войны, и о том, что он не желает больше сражаться в такой войне. В госпитале Сэссун и другие пациенты проходят тяжелый процесс восстановления. Название романа «Возрождение» говорит об основной теме произведения: как люди исцеляются после невообразимой психической и физической жестокости.

Анализируя роман Пэт Баркер, мы выделили три основных блока, в которых описывается состояние главных героев до, во время и после военных действий уже в госпитале. Больше внимание автор уделяет состоянию героев в госпитале и их воспоминаниям о тех ужасных днях.

В первой же главе мы можем увидеть внутреннее состояние Сэссун. Автор описывает его так: *I believe that this war, upon which I entered as a war of defence and liberation, has now become a war of aggression and conquest* [5]. В этом примере антитезы, в котором противопоставляются выражения *defence and liberation* и *aggression and conquest*, можно проследить, что мечты и желания героя не

оправдались, что борьба за освобождение и защиту страны превратилась в нападение и завоевание. И он не желает более участвовать в этой жестокой, несправедливой и бесполезной войне. С первой страницы романа понятно, что такое противопоставление будет лейтмотивом всего сюжета.

Когда Зигфрид отправляется в госпиталь, в тексте появляется следующая метафора: *Prisoner arrives without escort, Sasson thought, sliding open the carriage door* [5]. Здесь Сэссун сравнивает себя с узником, которого отправляют в тюрьму, потому что пребывание в госпитале он считает ограничением своей свободы. Совсем не этого хотел Зигфрид. Он лишь намеревался своим протестом привлечь внимание бездействующего и равнодушного общества. Его товарищ, Роберт Грейвс, сравнивает Сэссуна с мучеником и говорит, что консилиум, который решил отправить его в госпиталь, не позволит ему сделать из себя страдальца: *They won't let you make a martyr of yourself, Sass* [5].

В романе природа нередко помогает понять мотивы поведения героев, их настроение и внутренний мир. П. Баркер не может обойти стороной бережное и чуткое отношение к природе Сэссуна. Направляясь в Крейглокхарт, из окна поезда Сэссун любуется ей: *Now, on the train going to Craiglockhart, it still seemed the hardest thing. He shifted in his seat and sighed, looking out over fields of wheat bending to the wind. He remembered the silvery sound of shaken wheat, the shimmer of light on the stalks. He'd have given anything to be out there, away from the stuffiness of the carriage, the itch and constriction of his uniform* [5].

Герой любуется пшеничными полями, он вспоминает серебристый звук колосьев, гонимых ветром, и отблески света на стебле колоска. Ему нестерпимо хочется оказаться не в душном купе вагона в туго застегнутой форме, а на лоне природы под открытым небом. Для Сэссуна природа ассоциируется со свободой.

И он боялся потерять эту свободу. По дороге в Крейглокхарт герой нервничает и переживает по этому поводу: *In the taxi, going to Craiglockhart, Sassoon began to feel frightened. He looked out of the window at the crowded pavements of Princes Street, thinking he was seeing them for the first and last time. He couldn't imagine what awaited him at Craiglockhart, but he didn't for a moment suppose the inmates were let out* [5]. Он смотрел на тротуары, на улицы, на людей и думал, что все это он видит в последний раз. Он был в страхе перед неизвестностью, которая ждала его в госпитале.

В предложении: *Sassoon lingered on the drive for a full minute after the taxi had driven away, then took a deep breath, squared his shoulders, and ran up the steps* [5] прослеживается глубокое переживание героя, когда он приезжает в госпиталь. Он ждет перед входом, чтобы собраться с духом. И совершив маленькую победу над своим страхом, наконец решается войти в здание.

Пэт Баркер использует эпитет, чтобы описать внешнее состояние Зигфрида: *Pale skin, purple shadows under the eyes* [5]. Читатель понимает, что герой подавлен, он устал от борьбы, ему пришлось сдаться, отчего он сильно расстроен. При первой встрече с доктором Риверсом Сэссун очень волновался и стеснялся. Это видно по его позе, в голосе, в том, как он пытался скрыть свое заикание: *He sat with his head slightly averted, a posture that could easily have been*

taken for arrogance, though Rivers was more inclined to suspect shyness. The voice was slightly slurred, the flow of words sometimes hesitant, sometimes rushed. A disguised stammer, perhaps, but a life-long stammer, Rivers thought, not the recent, self-conscious stammer of the neurasthenic [5]. А лица героев обдувает холодный воздух: *The net curtain behind Rivers's head billowed out in a glimmering arc, and a gust of cool air passed over their faces* [5].

И практически на протяжении всего романа природа у Баркер холодна и безжизненна.

Созданная Пэт Баркер художественная реальность пронизана символическим значением смерти и последствий психической травмы. Выделив в романе лингвистические и экстралингвистические средства изображения войны и ее последствий, мы приходим к выводу о том, что природа, обстановка в госпитале, внутреннее состояние героев, их мысли, переживания, поведение умело применяются автором для отображения своего собственного видения событий столетней давности.

Библиографический список

1. Качанчук, Т. Е. Роль неязыковых средств коммуникации в организации экспрессивности художественного текста : грани познания / Т. Е. Качанчук // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ, 2013, август. – Вып. 5(25). – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1378469044.pdf>
2. Николаев, А. И. Основы литературоведения : учебное пособие для студентов филологических специальностей / А. И. Николаев. – Иваново : ЛИСТОС, 2011. – 255 с.
3. Чикалов, Р. А. Новая история стран Европы и США. 1815-1918 гг. : учеб. пособие / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. – Москва : Высш. шк., 2005. – 551 с.
4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Pat_Barker
5. Barker, P. *Regeneration* / P. Barker. – Great Britain : Penguin Books, 1992. – 252 p.

Д. С. Лапенков

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Некоторые особенности полидискурсивности художественного текста

Обращение к анализу картины мира литературного произведения обусловлено поиском объективного метода, позволяющего приблизиться к решению сложной проблемы понимания и интерпретации текста. Язык понимается как неотъемлемая суть когнитивной системы, обеспечивающей познавательную и

мыслительную деятельность человека. Это объединяет когнитивную лингвистику, лингвокультурологию и переводоведение как науки, исследующие ментальную деятельность человека.

Современная лингвистика проявляет существенный интерес к связям, существующим между языком и мышлением, языком и познавательными процессами. Языковая коммуникация справедливо предполагает включение в ее процесс многих типов знаний, признаваемых необходимыми для составления и понимания сообщений. К таким знаниям относят знания о мире, о социальных ролях участников коммуникативного акта, о социальном контексте высказывания, знание законов построения текста, поскольку взаимопонимание между людьми напрямую зависит от их способности понимать тексты [3, с. 3].

С конца XX века сначала в западной, а затем и в отечественной лингвистике разрабатывается когнитивный подход к исследованию литературно-художественного дискурса. Этот подход к изучению художественного текста включает в себя вопрос о своего рода расшифровке, декодировании читателем заложенной в него картины мира.

Под термином «дискурс» в современной науке понимают устойчивую, социально и культурно детерминированную традицию человеческого общения. [4, с. 9]. В многогранной жизненной реальности мы являемся активными участниками многих различных дискурсов – образовательного, обиходного, научного, официального, религиозного, эстетического и других.

Полидискурсивность понимается нами как взаимоотношение, взаимопроникновение различных дискурсов в структуре (пределах) одного текста, с целью достижения наибольшего смыслового эффекта.

Тело дискурса – это свободное множество высказываний, осуществленных в практике коммуникаций, и возможных, еще не осуществленных – но высказываний не любых, а построенных в системе социокультурного поля данного дискурса.

Текст – это высказывание, проецированное в рамки отложенной, отстоящей во времени или пространстве коммуникации, а значит, это высказывание, в котором его коммуникативная актуальность направлена в будущее.

Дискурс как таковой состоит из высказываний. Это значит, что высказывание неотделимо от своего текста в силу самого принципа своего осуществления. Дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания, образующие «тела» таких дискурсов, изначально рождаются в текстах. Достаточно очевидно, что основным дискурсообразующим фактором выступает фактор некоей общности участвующих в дискурсной практике. Это может быть общность интерперсонального характера, общность ситуации, общность той или иной субкультуры.

Одной из особенностей некоторых дискурсов является их достаточно устойчивая связь с соответствующими социальными институтами. Полидискурсивность же художественного текста заключается во взаимодействии художественного дискурса с иными дискурсами и проявляется на тематическом, жанровом, концептуальном и языковом уровнях текста.

Включение в структуру художественного текста моделей нехудожественных дискурсов происходит через использование в нем жанров данных дискурсов (их моделей или отдельных признаков). Например, в текст романа Б. Ансворта «Моралите» включаются жанровые модели юридического дискурса, представленного в тексте расследования, и модели религиозного дискурса, представленного проповедью и исповедью и высказываниями беглого священника.

Использование в структуре художественного текста моделей жанров нехудожественных дискурсов сопровождается их обязательной содержательной и структурной трансформацией, степень которой определяется целями и стратегиями автора, а также сочетанием языковых маркеров взаимодействующих дискурсов. Использование юридического жанра судебной речи в тексте романа сводится не к трансформации его жанровой модели, а к использованию отдельных параметров данной модели, выбранных автором для осуществления частных задач художественного текста.

Реализация моделей жанров проповеди и исповеди в тексте романа «Моралите» сопровождается принципиальным изменением всех жанровых признаков, которое на языковом уровне проявляется через совмещение маркеров религиозного и авторского дискурсов. Полидискурсивность художественного текста на дискурсивно-концептуальном уровне проявляется во взаимодействии концептов, актуализирующих соответствующие дискурсы в тексте. Концепты «вина» и «наказание» в структуре романа «Моралите» организуются на основе их дискурсивных вариантов в юридическом и религиозном дискурсах, характеризуются особой содержательной моделью, обусловленной нравственно-религиозными и коммуникативными установками автора.

Результаты дискурсивно-концептуального взаимодействия в художественном тексте на языковом уровне выражаются в формально-семантическом пересечении языковых единиц, маркирующих юридическую, религиозную и собственно авторскую модели концепта «преступление» – преступление, грех, а также единиц чума, смерть страдание, маркирующих в тексте одновременно концепты «вина» и «наказание», «искупление».

Концепт «преступление» реализуется значительным числом репрезентантов. Ключевой единицей, репрезентирующей концепт, является лексема преступление и дериваты глагола преступить; ядерную часть также составляют единицы грех, злодеяние, нарушение закона, проступок.

Как общекультурный вариант, так и дискурсивные вариации концепта «преступление» выстраиваются по модели, включающей аспекты преступления, характерные для определенной дискурсивной картины мира

В религиозном дискурсе концепт «преступление» характеризуется религиозно-этическим наполнением. Тесное сочетание данного концепта с концептом «грех» предопределило диффузность его языкового воплощения. В религиозной модели «преступления» выделяются такие признаки, как источник преступления, объект преступления, в центре которого находится Бог, типы преступления и типы наказания за преступления/грехи.

Сложное соотношение правовых и религиозных понятий в романе определило семантическое и языковое наполнение исследуемых концептов в тексте романа. Концепт «преступление» в романе строится на основе общекультурного, а также дискурсивных юридического и религиозного вариантов концепта и авторского видения «преступления».

Языковыми маркерами полидискурсивности в художественном тексте являются также единицы преступление, грех, болезнь, страдание, одновременно маркирующие юридический, религиозный и художественный дискурсивные варианты концепта «преступление».

В рамках юридического дискурса модель концепта «наказание» соотносится с многоярусной системой наказаний (от церковного покаяния до смертной казни). В рамках религиозного дискурса концепт «наказание» имеет сложное смысловое содержание и осмысливается как последствие греха, наставление, как признак Бога и др. Наиболее значимыми параметрами религиозной модели «наказания» являются субъект наказания, орудие наказания и виды наказания. На языковом уровне концепт «наказание» представлен ключевой лексемой наказание и дериватами глагола наказывать, и единицами, называющими субъект наказания (Бог, Божья воля, рука Бога и др.), объект наказания (грешник, преступник).

В тексте романа концепт «наказание» строится с учетом смыслового содержания дискурсивных вариантов концепта. В содержательном плане авторский концепт «наказание» складывается из семантических компонентов, включающих указание на необходимость не только внешнего (через закон), но и неизбежного внутреннего наказания преступника (через саму человеческую природу); понимание болезни как начала реального преступления, страдания как наказания преступника и источник искупления и т. д.

В целом можно утверждать, что на концептуальном уровне полидискурсивность художественного текста отразилась в сложном содержательном строении ключевых концептов романа, в которых в зависимости от художественных установок писателя на протяжении всего текста актуализируется то «юридическое», то «религиозное» наполнение концептов, переосмысленное Б. Ансуортом под углом собственного взгляда на преступление и расплату за него. Подобное дискурсивное взаимодействие находит непосредственное отражение в особом языковом оформлении концептов.

Библиографический список

1. Unsworth. V. *Morality Play* / Barry Unsworth. – Penguin : Books L. 1995. – 188 p.
2. Ансуорт Б. Моралитэ / Барри Ансуорт. – М. : Транзиткнига : АСТ, 2004. – 240 с.
3. Лукин, В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М. : Изд-во : Ось-89, 1999. – 192 с.

4. Силантьев, И. В. Газета и роман : риторика дискурсных смешений / И. В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

О. В. Олейник

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Положительная и отрицательная оценка немецкого сленга

Оценка представляет собой мыслительную операцию, в процессе которой объект оценки имеет положительное, или отрицательное значение, или же не имеет ни положительного, ни отрицательного значения. Оценкой в широком смысле является мнение субъекта о познаваемом явлении (о его полезности или вредности, ненужности или необходимости), а оценкой в узком смысле – положительная или отрицательная характеристика предмета (качества), связанная с признанием или непризнанием его ценности.

Система оценочных значений основана на двух основных признаках – «хорошо» и «плохо» (положительная и отрицательная, мелиоративная и пейоративная оценка). Есть случаи, когда способы обозначения хорошего и плохого в языке неизоморфны, а употребление соответствующих единиц не обнаруживает симметрии. Важнейшее свойство оценки – ее ориентация на норму и на оценочные стереотипы, то есть на социальное представление о том, что такое хорошо и плохо для данного объекта.

В любом языке есть большой слой лексики, ориентированный на нормативное представление о мире. Представление о норме заложено не только в прагматике языка, но и в его семантике. М. Бирвиш, Е. М. Вольф обратили внимание на то, что норма и среднее не совпадают, норма сдвинута к положительной части шкалы [4; 3]. Таким образом, хорошее состояние вещей может рассматриваться как соответствующее норме, плохое – как отклонение от нее. Обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего. В языке существуют более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших и т. п. Такая гипотеза опирается на представления когнитивной психологии, в соответствии с которыми знания, связанные с неприятными для человека отрицательными эмоциями, болевыми ощущениями, более дифференцированы, чем знания, имеющие положительные коннотации. Слова с отрицательными семами объединяются в более дифференцированные подклассы, чем слова с положительными семами.

Н. Д. Арутюнова считает, что аномалия, заставляя думать, вызывает необходимость облечения мысли в словесные образы, то есть служит причиной возникновения адекватных её негативной сущности вербальных манифестаторов. Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику. Словарный состав языка едва ли не в большей мере отражает патологию, чем норму [2, с. 307]. Отклонения от нормы возбуждают не только внима-

ние и коммуникативные центры, но и эмоции [2, с. 10]. Отражение этого наблюдения прослеживается и в немецком сленге: *affig* – «самовлюбленный, жеманный»; *das Nervenwrack* – «нервный человек»; *der Brummschädel* – «похмелье».

Лексические единицы, помимо своей номинативной функции, способны давать оценку называемого ими предмета или явления, эти единицы содержат в структуре значения сему «оценки» или «ценности». Чаще всего в языке широко представлены пейоративы (слова или словосочетания со сниженной оценкой объекта). В немецком языке также представлены мелиоративы (слова с завышенной оценкой, с усилением положительного в значении): *Prachtkerl* – «славный парень», *Sahnetörtchen* – «аппетитная девушка». Число единиц с завышенной оценкой по сравнению с пейоративами мало, что доказывают следующие данные. Так, в словаре немецкого сленга [5] представлено примерно 3690 лексических единиц, из них ярко выраженной сниженной оценкой обладают около 45% , ср.:

die Buschtrommel – «сарафанное радио»;
pl, Gartenzwerge – «полицейские»;
das Kleinkleckersdorf – «провинциальный город, захолустье»;
die Brillenschlange – «очкарик»;
der Baumknutscher – «защитник окружающей среды».

У большинства сленгизмов подобную оценку вызвали свойства денотата:

der Blaumacher – «прогульщик»;
die Schrottkiste – «старая машина, колымага»;
die Gunstgewerblerin – «проститутка»;
sich beipissen – «в стельку напиться»;
das Bumslokal – «заведение с плохой репутацией».

У некоторых единиц пейоративность связана с одним из словообразовательных компонентов, который дает неодобрительную оценку предмету:

der Bildungsprotz – «самодовольный, спесивый человек, который кичится своим образованием»;
das Drecknest – «провинция, дыра»;
der Versicherungsheini – «человек из страхового общества»;
der Konsumfuzzi – «потребитель».

Особый интерес представляют нарицательные имена, восходящие к именам собственным и широко представленные в сленге: *der Heini* – «простак»; *der Meckerfritze*, *die Meckerliese* – «вечно недовольные»; *der Miesepeter* – «брюзга».

Примерно 5% единиц из словаря Г. Штрутца имеют положительную оценку:

der Brandmeister – «спец по рекламным плакатам»;
die Gaudi – «удовольствие»;
beinhart – «солидный»;
die Biene – «привлекательная девушка».

Каждое слово потенциально может содержать в себе оценку, которая может реализоваться в сочетании с другими словами. Эта особенность объясняет всякие «неожиданные», оригинальные, даже «невероятные» сочетания, типа *der*

Trend-Tempel – «парикмахерская»; *die Taucherbrille* – «синяк под глазом»; *die Torschlußpanik* – «боязнь не найти постоянного партнера или партнерши для совместной жизни», что характерно и для немецкого сленга.

Ср.: *Jetzt war ich 28. Ich legte mich wieder ins Bett und wartete auf die Torschlußpanik. Viele Frauen, die bis 28 ihr Leben nicht geordnet haben, bekommen die Torschlußpanik – hatte ich kürzlich gelesen* [Heller, 1987: 327]. – <Теперь мне 28. Я легла в кровать в ожидании такого **состояния, когда кажется, что я уже никогда не найду спутника жизни**. Многие женщины, которые до 28 лет не налаживают свою личную жизнь, испытывают подобные страхи, как я недавно прочла.>

Оценка в языке обладает объективным характером, так как она отражает не только взаимоотношения субъекта и объекта, но и объективные свойства объекта. В категории оценки трудно провести разграничение между субъективным и объективным факторами, так как ценностное отношение это – единство объективного, субъективного, приятного, полезного, чувственного, рационального. Вопрос о субъективности / объективности оценки перекликается с вопросом об индивидуальных и социальных коннотациях. При этом под индивидуальными коннотациями понимаются ассоциации индивидуума, полученные из личного опыта. Социальные коннотации вытекают из идентичной реакции определенной общественной группы носителей языка на какое-либо явление.

Сленг содержит в себе оценочное отношение к названным явлениям и состоит из лексических единиц, где номинация может быть изначально эмоционально-оценочной. Эмоционально-оценочное отношение к явлениям окружающей действительности в сленге либо выражено во внутренней форме слова, где основу номинативного значения составляет сема оценки, либо создается благодаря словообразовательным средствам, а также выводится из контекста, из соответствующего лексического окружения. В качественном отношении сленг характеризуется непременным осложнением номинативного значения оценочными и эмоциональными оттенками. Эти оттенки семантики превалируют над денотативным (рациональным) компонентом – значением лексических единиц. Сленгизмы используются не столько для идентификации предмета речи, сколько для выражения к данному предмету субъективного отношения.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3-19.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова – М. : Наука, 1988. – 339 с.
3. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98-106.
4. Bierwisch, M. Some semantic universals in German adjectivals / M. Bierwisch // Foundations of language. – 1967. – V. 3. – № 1.

5. Strutz, H. Dictionary of german slang and colloquial expressions / Henry Strutz. – NY : Barron`s, 2000. – 338 S. – ISBN 0-7641-0966-9.

С. Л. Орлова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Эпистолярные тексты начала XX в. с позиции гендерной характеристики коммуникантов

Начало XX века, эпоха расцвета русского искусства и литературы, стала и эпохой расцвета русского эпистолярного искусства. Описание лингвистических особенностей эпистол русской интеллигенции начала 20 в. позволяет не только выделить яркие приемы творческого использования стандартных этикетных единиц, но и определить типичные особенности речи представителей данного социального слоя с позиции социально-биологической характеристики носителей языка – их возраста, пола, рода деятельности и пр.

Исследование этикетных единиц проводилось нами ранее в текстах с точки зрения принадлежности коммуникантов к старшему (С. Булгакова, В. Комиссаржевской, В. Немировича-Данченко, А. Ремизова, К. Станиславского, С. Рахманинова и др.) или младшему поколению интеллигенции (А. Блока, Л. Брик, М. Волошина, В. Мейерхольда, С. Прокофьева и М. Цветаевой и пр.), функции письма в системе переписки (инициативные письма, письма поддерживающие переписку, письма, прерывающие общение), а также типа эпистолярного текста – тексты, характеризующиеся объективной и субъективной эпистолярной манерой [1, с. 69]. Для определения общих тенденций развития жанра мы рассматривали данные письма в сравнении с текстами интеллигенции XIX в. и с образцами, предлагаемыми различными письмовниками и риториками данного периода. Особенностью анализируемых текстов является то, что их авторы были яркими представителями книжно-письменной культуры, и поэтому не все в этих текстах отражает типичные черты эпистолярных текстов эпохи.

Рассматриваемый материал позволяет отметить некоторые гендерные особенности эпистолярных текстов, сопоставляя этикетные единицы в текстах В. Комиссаржевской и К. Станиславского (старшее поколение, объективная эпистолярная манера), М. Цветаевой и А. Блока (младшее поколение, субъективная эпистолярная манера).

1. Начальное обращение. Обращение в начале письма является обязательной этикетной единицей, совмещающей функции сигнала начала текста, выражения отношения к собеседнику и начального приветствия.

В письмах старшего поколения более распространено название собеседника по имени и отчеству и на «Вы», реже – «ты», причем гендерные различия не проявляются:

К. С. Станиславский – А. П. Чехову

«Сейчас получил твою записку о «Золотое», милый Антон Павлович» [2, с. 322].

В. Ф. Комиссаржевская – А. П. Чехову

«Антон Павлович, здравствуйте» [3, с. 315].

В письмах младшего поколения чаще употребляется обращение без отчества и на «ты».

Различие между «мужским» и «женским» текстом можно увидеть в следующем. Форма обращения к собеседнику в «женском» тексте сохраняется на протяжении многолетней переписки: М. И. Цветаева продолжает обращаться к М. А. Волошину «Макс», «Максинька» и через 10 лет после начала переписки, хотя ее корреспонденту уже почти 50 лет.

В «мужской» переписке чаще проявляются колебания формы обращения, отражающие сложные отношения между коммуникантами: А. Блок на протяжении многолетней переписки обращается к Андрею Белому: «Многоуважаемый и милый Борис Николаевич!» – «Милый Боря» – «Милостивый государь Борис Николаевич!» – «Дорогой Борис Николаевич». В письмах М. Цветаевой Б. Пастернаку встречается необычная для дружеского письма форма обращения по фамилии «Мой дорогой Пастернак!».

2. **Формы прощания.** В текстах старшего поколения преобладают формы прощания, в основе которых лежат единицы речевого этикета следующей семантики:

– пожелание здоровья, удачи, благополучия («Будьте здоровы, и да хранит Вас бог» [2, с. 26]);

– описание символического жеста, например «обнимаю», «целую», «жму руку» («Обнимаю Вас крепко, как и люблю. Ваш К. Алексеев» [2, с. 222], «Крепко жму Вашу руку. Ваша В. Комиссаржевская» [3, с. 287]);

– прогнозирование нового контакта («Жду ответа. Ваш К. Алексеев.» [2, с. 157]).

В «мужских» текстах субъективной эпистолярной манеры младшего поколения используются те же типы этикетных единиц прощания, особенностью которых является яркая образность, метафоричность выражения:

«Белые цветы к сердцу вновь прижимаю невольно.

Глубоко Твой Саша» [4, с. 134].

Еще один яркий пример:

«И будет легче, когда будет слышнее цветение Вашего сердца. Преданный Вам Ал. Блок» [4, с. 54]

В текстах М. Цветаевой чаще используется форма прощания, практически неупотребляемая в ее эпоху, но ставшая обычной в наше время:

«Засим, Пастернак, до свидания. МЦ» [5, с. 480]

«Пока до свидания, Максинька, пиши мне. МЦ» [5, с. 444].

3. **Подпись автора.** В письмах старшего поколения подпись включает сокращенное имя (без отчества), фамилию и эпитет, выражающий отношение к адресату: «Любящий К. Алексеев» [2, с. 219] или «Душевно преданный

К. Алексеев» [2, с. 213], причем К. Станиславский использует разнообразные, практически не повторяющиеся эпитеты.

Подпись в письмах Комиссаржевской более лаконична, отличается от традиционной «мужской» подписи отсутствием эпитета: «В. Комиссаржевская», реже «Ваша В. Комиссаржевская».

В «мужских» письмах младшего поколения в качестве подписи часто используется личное имя: «Твой любящий Саша» [4, с. 131].

В письмах М. Цветаевой такая форма подписи встречается в единичных случаях. Примером может служить письмо Б. Пастернаку, в котором она просит разрешения обращаться к поэту по имени: «Подарите мне Ваше прекрасное имя: Борис» [5, с. 109] (письмо подписано «Марина»). Обычной для цветаевских писем стала подпись инициалами «МЦ» и даже «мц», иногда «МЭ» (Марина Эфрон).

4. *Соотношение обращения и подписи.* В текстах как старшего, так и младшего поколения формы обращения и подписи, в основном, несимметричны: типичное обращение предполагает называние адресата по имени и отчеству, типичная подпись включает имя без отчества и фамилию:

К. С. Станиславский – А. П. Чехову:

«Дорогой и многоуважаемый Антон Павлович!

Ваш Константин Станиславский» [2, с. 254].

Такое оформление письма отражает русскую традицию эпистолярного текста: обращение подчеркнуто уважительно, подпись автора более скромна.

Подводя итог, мы можем отметить лаконичность и простоту этикетных формул в «женских» письмах (формы обращения, прощания, подписи в письмах М. Цветаевой, формы прощания и подписи В. Комиссаржевской); разнообразие вариантов и выразительность в «мужских» письмах (формы обращения, прощания, подписи К. Станиславского, формы прощания А. Блока). Сделанные нами выводы не являются бесспорными, поскольку эпоха серебряного века сохранила, в основном, тексты, написанные мужчинами, поэтому многое «женское» можно объяснить индивидуальными стилевыми чертами, однако в индивидуальном тексте определенного жанра закономерно проявляются модели речевого поведения, определяемые, в частности, и полом.

Библиографический список

1. Гиндин, С. И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения / С. И. Гиндин // Язык и личность : сб. статей. – М. : Наука, 1989. – С. 63-77.

2. Станиславский К. С. Собр. соч. : в 8 т. / К. С. Станиславский. – М. : Искусство, 1957. – Т. 7.; 1961. – 389 с.

3. Комиссаржевская, В. Ф. Письма Актрисы. Воспоминания о ней. Материалы / В. Ф. Комиссаржевская. – М.-Л. : Искусство, 1964. – 372 с.

4. Блок, А. А. Собр. соч. : в 10 т. / А. А. Блок. – М.-Л. : Худ. литература, 1963. – Т. 8. – 670 с., Т. 9. – 620 с.

5. Цветаева, М. И. Сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. – М. : Худ. литература, 1988. – Т. 2. – 470 с.

Л. И. Саввина, М. Г. Саввина
Филиал Приднестровского государственного университета
им. Т. Г. Шевченко, г. Рыбница

Политический дискурс как способ репрезентации аргументативной функции языка

Современная трактовка коммуникации рассматривается в социальной философии как сущностная характеристика бытия личности и общества [10]. В качестве основных условий коммуникации становятся открытость миру и друг другу, терпимость общества по отношению к другим общественным организациям, настроенность на диалог [9]. Выявить закономерности коммуникации социальная философия смогла тогда, когда в осмыслении общества она перешла от парадигмы субъект – объект к парадигме субъект – субъект [11]. В последней возникла проблема углубления и развития коммуникации, которая тесно связана с внутренней свободой личности, ее сознанием [12]. Когда один субъект становится свободной личностью, только тогда у него появляется возможность увидеть субъекта в другом [2].

Следует отметить, что классическая философия высоко ценила автономию разума [3]. Однако она оставляла без внимания специфику интерсубъективности [11, с. 38]. Коммуникативная философия обратилась к проблеме социальной коммуникации субъектов, которая обеспечивается на основе понимания [14].

В процессе осознания реальности рождаются и формируются культурные символы и смыслы в рамках коммуникативного действия и общения (дискурса) [8]. Способ осознания реальности определяет различные виды отношений человека к миру. Отношения действующего человека к миру имеет в виду три аспекта:

- 1) телеологическое (стратегическое) действие: действующий человек – объективный мир;
- 2) норморегулирующее действие: действующий человек – социальный и объективный мир;
- 3) драматургическое действие: действующий человек – субъективный и объективный мир, включающий и социальные объекты [7, с. 157].

Коммуникативное действие обеспечивается «практическим разумом» [9, с. 427]. Функции практического разума связаны с прагматическим, этическим и моральным подходами к действительности. Они зависят от употребления разума в аспектах целесообразности, блага или справедливости, его обращенности к целерационально действующему субъекту, способности субъекта принимать решения, свободной воле субъекта, способного к моральным суждениям. При этом

всякий раз изменяется соотношение разума и воли, уровень понимания в коммуникации [10, с. 20].

Истинное понимание в процессе коммуникации связано с признанием априорности моральных и иных ценностей. Они определяются «жизненным миром» человека. Он включает в себя истолкование человека как живого, чувственного и телесного существа, где речь и морально-практические поступки позволяют осознать уникальность и конкретность человеческого события. Событие иначе определяется как «жизненный мир».

Под «жизненным миром» понимается мир действий, общий для нас и других людей в контексте рациональности. Мы познаем, осваиваем его как объективно, так и «интерсубъективно». Понятие «жизненный мир» неоднозначно целостности общества. Современный «жизненный мир» отмечен плюрализмом частных интересов, жизненных проектов и картин мира [4, с. 194], где доминируют негативные процессы дезинтеграции.

Коммуникация способна учесть и совместить плюрализм, универсализм общественного и индивидуального сознания, которые присущи современному обществу. Плюрализм рождается в «жизненном мире». Главным в действии человека становится установление отношения человека к миру, выяснение смысла реальности и своего коммуникативного действия. Человек устанавливает различия между коммуникативным действием и миром, включающим «жизненный мир» и «систему», то есть государственную и экономическую власть. «Жизненный мир» и «система» остаются сферой рациональности и коммуникативного действия, но сталкиваются с определенными проблемами понимания и коммуникации.

Коммуникация выражается в двух формах: в рамках коммуникативного действия и общения (дискурса). Исходным для понимания эволюции любого человеческого предприятия является понятие социального действия [6]. Философия изучает деятельность индивида в контексте принципа отражения, направленного на определение смысла информации, сообщения [8, с. 117].

Проблема смысла классифицируется в философии естественного языка как высшая интегративная основа личности и структурный элемент сознания и деятельности [2]. Понятие «осмысливать» очень близко по значению к понятию «осознавать». Смысл как функция сознания оказывает влияние на всю структуру личности, связан с деятельностью, где непосредственным источником смыслообразования являются потребности и мотивы личности [1].

Коммуникация в этом контексте, по нашему мнению, есть вид деятельности и форма создания социальной реальности. В современной философии широкое распространение получил термин «дискурсивные практики», в ходе которых осуществляется коммуникативное действие. К нему относят социальные действия, субъекты которых скоординированы не посредством эгоистических подсчетов успеха, но при помощи актов достижения понимания [12]. В коммуникативных действиях индивиды первоначально не ориентированы на личные

успехи. Они преследуют свои индивидуальные цели при условии, что могут скоординировать планы своих действий на основе общих для всех определений ситуаций.

В качестве основных критериев деятельности следует указать: 1) взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, 2) умение и способность считаться с другим партнером, 3) признание многообразия разных позиций, ценностных и культурных систем, вступающих в отношения диалога. Конечно, невозможно предвидеть все последствия той или иной сознательно проектируемой деятельности. Вместе с тем степень предвидения может быть разной, и если бы результаты деятельности нельзя предсказать хотя бы в некоторой мере, то она была бы бессмысленной. Человек не только естественное, природное, но и искусственное существо. И если бы исчезла искусственная составляющая, выражающаяся в деятельности, человек перестал бы существовать [5].

Человек не может не проектировать свое будущее, хотя реализация проектов никогда не совпадает полностью с замыслом. Но это утверждение вовсе не означает правоту постмодернистов [13], утверждающих, что результаты деятельности не могут контролироваться, поэтому ее бессмысленно проектировать [6, с. 62-63]. Постмодернисты правы в том, что субъект как единство сознания и центр принятия решений оказывается под угрозой [13]. Следует согласиться с ними в том, что те виды деятельности, осуществление которых означает конструирование субъекта, в современных условиях во все большей степени предполагают не стихийное протекание, а целенаправленное проектирование. Оно может происходить в коммуникативном действии и дискурсе [14].

Существуют определенные различия между коммуникативным действием и дискурсом. В рамках коммуникативного действия значения и смыслы принимаются наивно, некритично, с целью обмена информацией. Дискурс направлен на уточнение смыслов и выработку общей позиции, мнения, оценки, нормы. Эта форма современной коммуникации позволяет демократично обсуждать, вырабатывать коллективные решения и одновременно является для индивида нормой права, которую он принимает осмысленно и добровольно, осознавая себя при этом членом сообщества интерпретаторов [7].

Высшей формой социальной коммуникации в демократическом обществе может стать политический дискурс, задачей которого является постановка и коллективное решение важнейших вопросов жизни общества. Специфика политического дискурса определяется тем, что в нем коллективному разуму приходится законодательствовать, то есть определять нормы и ответственность людей в коллективном обсуждении их значимости, так как интерпретацией законов, норм уже нельзя ограничиваться. Коллективная воля или этика согласия в этом типе дискурса оформляется в общезначимую истину как дискурсивную правовую норму, то есть становится этикой ответственности [4].

Важнейшими задачами политической коммуникации являются установление, поддержание и реформирование политических, экономических или общественных институтов и политики, с тем чтобы они могли наиболее полно обес-

печить справедливость для всех. Перспективы политической коммуникации связаны с процессами институционализации и легитимации «общественности», которая способна стать коммуникативной властью. Коммуникативная власть обязательно должна принять облик определенного института образования мнений и воли, который будет принимать ответственность за решения.

Современное общество может и должно опираться на возросший потенциал общественности и ее возможности политической коммуникации и дискурса с властью, что создает условия для появления нового типа современной демократии – делиберативной демократии. Она есть политическая система, где сфера действия гражданского общества неуклонно расширяется, а сфера деятельности государства все более сужается [15].

Важным элементом политической коммуникации общественности и власти является политическая этика, которая создает механизм общественного доверия, обеспечивает стабильное функционирование социальной системы. Именно общественность, институционально консолидированная, может сформировать этику, как систему базовых ценностей общества, представить социальный порядок, отвечающий этим ценностям.

Институциональная общественность, взаимодействуя с властью, может постепенно взять в свои руки и демократизировать многие функции государства. Тем самым может быть расширен круг индивидов, участвующих в демократических процессах через институционализацию общественного мнения и социальные институты, которым всегда требуется легитимация, то есть оправдание и узаконение данного социального порядка. Общественность легитимирует себя в негосударственных институтах, опираясь на законы, на политическую культуру и высокую гражданскую активность общества. На первом этапе политической коммуникации общественность вырабатывает правовые нормы. На втором этапе правовые нормы рассматриваются органами власти на уровне парламента.

Политическая коммуникация является процессом дискурса общественности, которая приобретает институциональный характер, и государственной власти. Она направлена на обеспечение политического консенсуса и сдерживание негативного влияния частных интересов и авторитарных устремлений государства. Дискурс вырабатывает ответственный подход как субъекта к деятельности, так власти в реализации принятых решений и легитимных норм [16]. Основанием легитимности норм может быть доверие общества к власти, опирающейся на законы. Поэтому необходимость существования сильного правового государства как основы коммуникативного общества есть закон, требующий постоянного обоснования легитимности власти.

В современном обществе одновременно существует многообразие ценностей и норм, интересов и целей. Коллективная воля участников коммуникации имеет реальные возможности воздействовать на его участников, ориентируя их на такие коллективные ценности-регуляторы, как истина, справедливость, легитимность. Правовой дискурс предполагает высокий уровень правовой и политической культуры, развитое гражданское общество, наличие институтов общественности, навыки диалога.

Политическая культура людей рождается в обществе, имеющем опыт демократического становления и привыкшем к политической свободе. Она позволяет радикально изменить процесс легитимации в направлении поиска нового баланса между силами общественной интеграции.

Таким образом, мы можем констатировать состояние общества как коммуникативное только в том случае, когда оно имеет в своей основе механизм социальной коммуникации, обеспечивающий взаимопонимание и согласие субъектов, общественности и власти как залог успешного преодоления дезинтеграционных процессов в обществе и его дальнейшего развития.

Условием дальнейшего развития современного общества становится овладение общественностью и властью всеми формами социальной коммуникации, способами получения истины и обоснования норм и ценностей в аргументативных правовых дискурсах.

Библиографический список

1. Арлычев, А. Н. Об иррационализме как философии изменчивости / А. Н. Арлычев // Вопросы философии. – 1998. – № 6. – С. 133-142.
2. Богдановський, І. В. Сучасна філософія свідомості : проблема моделювання когнітивних станів / І. В. Богдановський // Вісн. Філософія. Політологія / Київ. нац. ун-т. – Вип. 33. – 2001. – С. 4-7.
3. Гидденс, Э. Сознание, я и социальное взаимодействие / Э. Гидденс // Философия и общество. – 2001. – № 2. – С. 35-38.
4. Денежкин, А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса : новые исследования по теории права и демократического правового государства / Ю. Хабермас Демократия. Разум. Нравственность. – М. : АCADEMIA, 1995. – С. 181-205.
5. Ильин, В. В. Теория познания. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М., 1994. – 163 с.
6. Лекторский, В. А. Деятельностный подход : смерть или возрождение? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 56-66.
7. Мотрошилова, Н. В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции / Н. В. Мотрошилова // Демократия. Разум. Нравственность. – М. : АCADEMIA, 1995. – С. 113-180.
8. Нугаев, Р. М. Смена базисных парадигм : концепция коммуникативной рациональности / Р. М. Нугаев // Вопросы философии. – 2001. – № 1. – С. 114-122.
9. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – М. : Культурная инициатива, 1992. – Т. 2. – 525 с.
10. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М. : АCADEMIA, 1995. – 111 с.
11. Филиппов, А. Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия : к социологической характеристике современности / А. Ф. Филиппов // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 38-58.

12. Meadwell, H. The foundations of Habermas's universal pragmatics / H. Meadwell // Theory a. soc. – Amsterdam etc., 1994. – Vol. 23. – № 5. – S. 711-727.

13. Trey, G. A. The philosophical discourse of modernity : Habermas's post-modern adventure / G. A. Trey // Diacritics. – Baltimore. (N. Y.), 1989. – Vol. 19. – № 2. – S. 67-79.

14. Habermas, J. The Philosophical Discourse of Modernity. – Cambridge / Mass : MIT Press, 1999. – S. 34-40.

15. Habermas, U. Legitimation problem in modern state // Communication and evolution of society. Beacon Press, 1979. – S. 109-140.

16. Heath, J. The problem of foundationalism in Habermas's discourse ethics // Philosophy a. social criticism. – Chestnut Hill(Ma), 1995. – S. 77-100.

О. В. Серова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Словообразование английского компьютерного сленга

Компьютер стал неотъемлемой частью нашей жизни: в магазине нас не могут рассчитать без помощи ПК, процесс обучения и деятельность практически во всех профессиональных сферах сложно представить без применения компьютерных технологий и мультимедийного проектора. Наша речь обогатилась новыми терминами и понятиями, образовав компьютерный сленг. Вопросами, посвященными компьютерному сленгу, занимались такие исследователи, как Хомяков В. А., Кармызова О. А., Береговская Э. М., Гальперин И. Р. и другие.

Вся лексика того или иного языка делится на литературную и нелитературную. К литературной относятся книжные слова, стандартные разговорные слова и нейтральные слова. Всё это лексика, употребляемая либо в литературе, либо в устной речи в официальной обстановке. Существует также нелитературная лексика: профессионализмы, вульгаризмы, жаргонизмы и сленг. Эта часть лексики отличается разговорным и неофициальным характером.

Профессионализмы – это слова, используемые небольшими группами людей, объединённых определённой профессией.

Вульгаризмы – это грубые слова, обычно не употребляемые образованными людьми в обществе, специальный лексикон, используемый людьми низшего социального статуса: заключёнными, торговцами наркотиками, бездомными и т. д.

Жаргонизмы – это слова, используемые определёнными социальными группами людей, объединённых общими интересами, которые несут тайный, непонятный для всех смысл.

Сленгизмы – это слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни.

Необходимо отметить, что некоторые учёные относят жаргонизмы к сленгу, не выделяя сленг как самостоятельную группу, и сленг определяют как особую лексику, используемую для общения группы людей с общими интересами.

Имея дело с компьютерным сленгом, мы наблюдаем некоторый синтез всех четырёх вышеупомянутых групп. Во-первых, эти слова служат для общения людей одной профессии – программистов или просто людей, использующих компьютер для каких-то целей. При этом сленгизмы используются в качестве синонимов к английским терминам информатики, отличаясь от них эмоциональной окраской. Во-вторых, для компьютерного сленга характерна «зацикленность» на реалиях мира компьютеров. Употребляемые сленговые названия относятся только к миру компьютеров, таким образом отделяя его от всего остального, и зачастую непонятны людям несведущим. Например, не каждому человеку понятно словосочетание *Three-Finger Salute* – «трехпальцевый салют», которое обозначает нажатие клавиш *Ctrl-Alt-Del*. Благодаря знанию такого специального языка специалисты в области компьютерных технологий чувствуют себя членами некой замкнутой общности. И, в-третьих, в числе этой лексики нередки и достаточно вульгарные слова, например, *STFU* – (*Shut The Fuck Up*) – заткнись.

Теперь непосредственно о словообразовании английского компьютерного сленга. Современный американский профессор Ричард Нордквист выделяет следующие виды словообразования:

- 1) конверсия (conversion),
- 2) словосложение (compounding),
- 3) словослияние (blending),
- 4) сокращения (back-formation),
- 5) аффиксация (affixation),
- 6) трансформация (derivation),
- 7) калькирование и заимствование (calque and loanword),
- 8) неологизмы (neologism).

Рассмотрим их более подробно.

Конверсия – это безаффиксальный способ словообразования, в результате действия которого образуется категориально отличное слово, совпадающее в некоторых формах с исходным словом. Образованное конверсией слово выступает в новой синтаксической функции, имеет другое значение и, в случае морфологически изменяемых слов, другую парадигму. То есть это переход слова из одной части речи в другую. Например:

1) Crack (verb) (взламывать программы) → cracker (noun) (человек, который взламывает программы).

2) Geek (noun) (человек, чрезвычайно увлеченный компьютером) → geek out (verb) (быть компьютерным фанатиком).

Словосложение – это образование новой (производной) основы путем соединения двух уже существующих основ, обычно без изменения их формы. Это такие слова, как:

Cyber (кибер) плюс buddy (дружище) получается cyberbuddy (собеседник в интернете).

Flat (плоский) + worm (червь) получается flatworm (подчеркивание).

Who (кто) плюс is (это) получается whois (служба «кто это», позволяющая сделать запрос к всемирной базе данных, содержащей сведения об объектах Интернета).

Home (дом) плюс box (коробка) получается home-box (домашний компьютер).

Lap (круг) плюс top (верх) получается laptop (дорожная ЭВМ).

Словослияние – это такой способ словообразования, при котором одна часть одного слова сливается, чтобы образовать единое целое, с частью другого слова (слов) или с целым словом. Это такие слова, как:

От слова Internet (интернет) убираем et и прибавляем к нему от слова cosmonaut (космонавт) окончание out, что дает слово Internaut – язык пользователей интернета.

От слова dingy (темный) берется gy и от слова grunt (ворчание) откидывается t, получается слово grungy – неряшливая (о программе).

От слова hacker (хакер) берется основа hack и от слова memory (память) берется начало mem, что после соединения дает слово hackmem – памятка хакера.

От глагола wedge (вклинивать) убираем окончание e и от слова attitude (отношение) отбрасываем att, и получаем слово wedgitude – затор, заклинивание.

От глагола squirm (извиваться) отбрасывается uirm и от слова wiggle (шевелить) отбрасывается начальная буква w, и получается sqiggle – тильда.

Сокращения – образование новых слов путем сокращения (усечения) основы. Данный способ является наиболее распространенным в словообразовании английского компьютерного сленга. Примеры данного способа словообразования следующие:

BVL8R образовалось от Be Back Later, что означает – скоро вернусь.

Аббревиация FAQ образована от Frequently Asked Questions, что означает – часто задаваемые вопросы.

Сокращение Net произошло от слова Internet – инет.

Аббревиация RTM образовалась от Read The Manual, что означает в компьютерном сленге выражение – прочитай инструкцию.

Аббревиация TFTI – это сокращение от Thanks For The Information, что значит – спасибо за инфу.

Аффиксация – это способ образования новых слов путем присоединения к основе слова словообразовательных аффиксов. К словам данной группы относятся:

Hackish (хакерский) + ness = hackishness (программистское искусство).

Frog (лягушка) + y = froggy (program) (замысловатая программа).

Smile (улыбка) + y = smiley (знак-символ, смайлик).

Super + programmer (программист) = superprogrammer (умелый компьютерщик).

Scan (сканировать) + o = scanno (ошибка при сканировании).

Трансформация – это образование новых слов при помощи аффиксов или безаффиксным способом, придающее словам новое значение. Это следующие слова:

Flame (пламя) + r = Flamer – любитель поболтать на вольные темы.

Lose (поражение) + r = Loser – неудачник (о программисте).

Mouse (мышь) + o = Mouso – мышная ошибка (ошибка при работе с мышью).

Soft (мягкий) + y = Softy – растяпа (о компьютерщике).

Toast (тост) + er = Toaster – периферийное устройство.

Калька и заимствование – это создание нового слова, словосочетания или сложного слова для передачи лексики, не имеющей соответствий в языке перевода. Данный способ не наблюдается в создании английского компьютерного сленга, так как большинство компьютерных разработок происходит в Америке и там же даются названия новым явлениям.

Неологизмы – новые слова и выражения, созданные для обозначения новых предметов или для выражения новых понятий, или же старые слова с пересмысленным значением. Также являются одним из наиболее частотных способов словообразования компьютерного сленга. Это такие слова, как:

Action Bar – панель действий.

Down – неработающий.

Getting Root – получить учетную запись.

Spam – спам.

Wizard – мастер по компьютерам.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что сленгизмы – это слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни. Словообразование английского компьютерного сленга достаточно разнообразно и интересно. Самыми частотными видами словообразования английского компьютерного сленга являются сокращения и неологизмы. Самым не востребуемым способом словообразования в компьютерном сленге является калька и заимствование.

Библиографический список

1. Береговская, Э. М. Молодежный сленг : формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языковедения. – 2002. – 354 с.

2. Гальперин, И. Р. О термине «сленг» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – 150 с.

3. Кармызова, О. А. Компьютерная лексика (структура и развитие) : автореферат диссертации на соискание учебной степени кандидата филологических наук / О. А. Кармызова. – Воронеж, 2003. – 20 с.

4. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – М. : Либроком, 2009. – 106 с.

5. Портал «Types of Word Formation» – Режим доступа: <http://grammar.about.com/od/tz/g/Word-Formation.htm>

К вопросу о структуре фразеологического значения

Основное направление формирования фразеологического значения предопределяет внутренняя форма. В понимании сущности внутренней формы фразеологизма нам наиболее близка позиция Ю. П. Солодуба, определяющего её как образность, «возможность восприятия целостного значения фразеологизма на основе наглядных предметно-вещественных ассоциаций», как «признак, положенный в основу наименования того или иного объекта» [2]. Внутренняя форма фразеологизма создается на основе взаимодействия свободного сочетания с появившимся на его основе фразеологизмом, поэтому бывает присуща лишь фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное сочетание такого же лексического состава: *вертеть хвостом, выводить из строя, везти на своих плечах, бросить на чашу весов* и другие, то есть внутреннюю форму фразеологического значения составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики свободного сочетания, которые послужили его генетическим источником. Смысловую структуру фразеологизма определяем как внутреннее по отношению к внешней (материальной) стороне содержание фразеологической единицы, центром которого является *фразеологическое значение* (у полисемантических – значения), состоящее в сложной связи с внутренней формой (у мотивированных единиц). *Фразеологическим* значением языковой единицы считаем её обычно оценочно ориентированное, категориально завершённое понятийное содержание, которое представлено особыми языковыми средствами, закреплёнными в сознании и речевой практике носителей русского языка [2, с. 197].

Вслед за профессором Ю. П. Солодубом в сложной структуре фразеологического значения выделяем несколько компонентов: сигнификативный, денотативный, структурный, коннотативный и этнокультурный [1].

Покажем это на примере семантизации отдельных фразеологизмов. При определении значения фразеологизмов *лежать на печи, плевать в потолок* может быть использован глагол «бездельничать». Таким образом, фразеологизмы обладают *понятийным содержанием* (сигнификативный компонент значения), представленным этим глаголом, и имеют *денотативную отнесённость* (денотативный компонент), обозначая состояние полного безделья. В значениях этих фразеологизмов значительную роль играет *коннотативный компонент*, потому что поведение людей, наглядно обрисованное данными фразеологизмами, вызывает негативную оценку, эмоционально выраженную насмешкой или иронией. Яркая образная мотивировка (представление о том, что человек, бесцельно лежащий на печи, «от нечего делать» плюёт в потолок) делает эти фразеологизмы *эмоционально-оценочными*.

Фразеологические образы некоторых единиц носят и специфический этнокультурный характер. Например, внутреннюю форму фразеологизма *семи пядей во лбу* можно будет осознать, зная, что компонент *пядь* – старинная *русская* мера длины (пядень), производное древнерусского глагола *пяти*; внутренняя форма фразеологизма *мякинная голова* станет прозрачной, если вспомнить, что компонент *мякина* означает «остатки колосьев, стебли и другие отходы, которые получают при обмолоте злаков и других культур»; у выражения *толоконный лоб*, пришедшего из русской народной речи, компонент *толоконный* произошло от слова *толокно* – «мука, чаще всего овсяная» (для получения такой муки хлебные зёрна не мололи на мельнице, а толкли, измельчая ударами деревянной толкушки); толокном называли и кушанье, приготовленное из такой муки. Таким образом, в значениях некоторых фразеологизмов русского языка представлен и *этнокультурный компонент*.

Во фразеологических значениях выделяют обязательные и факультативные элементы. Обязательными элементами фразеологической семантики являются предмет (объект) фразеологической номинации (*денотативный компонент* значения), понятийное содержание (*сигнификативный компонент* значения), которое «передаётся, как правило, всем устойчивым звуковым комплексом компонентов» [2]. К факультативным, то есть не всегда представленным, элементам фразеологического значения относятся коннотативный и этнокультурный элементы значения.

Ядром *фразеологического значения* являются денотативный компонент и сигнификативный компонент значения.

Фразеологические значения всех единиц имеют *денотативную* отнесённость. Термин *денотат* (объект действительности) понимается нами очень широко: это не только предмет в собственном смысле слова или представление о данном предмете, но и любой фрагмент действительности и представление о нём.

Денотат фразеологического значения – результат семантической трансформации свободного словосочетания – прототипа фразеологизма. По степени такой трансформации различают первичный и вторичный денотаты. Первичным денотатом служит та предметная ситуация, которая обозначается свободным словесным комплексом – прототипом фразеологизма, а вторичным денотатом – трансформированная денотативная предметная ситуация, то есть новое, образное представление предмета фразеологической номинации [2].

В связи с таким пониманием двойственности фразеологического денотата для фразеологического оборота *выбивать из седла (кого)* первичным денотатом следует считать ситуацию, передаваемую свободным словесным комплексом-прототипом, то есть словосочетанием в буквальном значении, а вторичным денотатом – уже переосмысленную ситуацию, представляя её не в предметном, а в абстрагированном виде – «неожиданно изменять достигнутое положение, состояние кого-либо; лишать кого-либо душевного равновесия».

Итак, вторичный денотат – обозначаемая фразеологизмом ситуация, объект фразеологической номинации и результат семантической трансформации

словесного комплекса-прототипа; эта ситуация вторична по отношению к первичному денотату; она возникает в результате семантической трансформации свободного словосочетания. Соотнесённость фразеологизмов с их денотатами осуществляется всем компонентным составом фразеологизма посредством соответствующих сигнификатов [2].

Фразеологический *сигнификат* – это отражённая в сознании человека совокупность свойств соответствующего денотата. Сигнификативный компонент фразеологического значения непосредственно связан с осмыслением вторичного денотата, выводится из него в виде понятийного содержания фразеологизма в результате ассоциативно-образного мышления. Доказательством наличия имеющегося в значении фразеологизма сигнификативного компонента является возможность толкования фразеологизмов, по которому фразеологизмы могут быть разграничены в семантическом плане. Ср.: *скользить по поверхности* – «не вникать, не углубляться в сущность чего-либо, касаясь лишь внешних сторон, внешних проявлений», *пустой звук* – «лишённые всякого значения, смысла слова, ничего не значащие высказывания», *кость тонка (у кого)* – «не хватает сил, способностей, умения, воли и тому подобного для того, чтобы сделать что-либо».

Наличие понятийного ядра фразеологизмов подтверждается и явлением лексико-фразеологической синонимии, то есть отношением, предполагающим синонимию между генетически глагольным фразеологизмом и глаголом свободного употребления, фонетически идентичным глагольному компоненту. Например, фразеологическое значение единицы *схватывать на лету* – «быстро, легко понимать, усваивать» синонимично значению глагола-прототипа *схватывать (что)* – «запоминать, воспринимать, усваивать»; значение фразеологизма *валом валить (кому что)* – «щедро помогать кому-либо чем-либо» – значению глагола *валить (кому что)* – «щедро помогать чем-либо».

Показателем «понятийности» значения фразеологизмов служат и парадигматические связи и отношения, существующие в системе фразеологии русского языка. Это, в первую очередь, фразеологическая синонимия и антонимия. Приведём некоторые примеры. Фразеологизмы *сами с усами, не лаптем щи хлебаем, не обсевок в поле* имеют общее значение «не хуже, не глупее других»; *ветренная голова, дырявая голова, голова два уха* – общее значение «рассеянный, забывчивый человек»; *голова соломой набита, курья голова, мякинная голова, чугунная голова, пустая голова, дубовая голова, садовая голова, еловая голова, толокненный лоб, голова не варит, доходит как до жирафа* имеют общее значение «глупый, бестолковый человек». Противоположное этому значение представлено фразеологизмами *голова варит, ума палата, семи пядей во лбу, хватать на лету*. Общее значение «об упрямом, несговорчивом человеке» представлено в следующих фразеологических единицах: *хоть кол на голове теши (кому), пушкой не прошибёшь (кого), клином (обухом) не вышибешь (не выколотишь)*, а противоположное значение («о человеке с мягким характером, податливым») представляет фразеологизм *хоть верёвки вей*.

Фразеологические значения приведённых фразеологизмов имеют денотативную отнесённость, обозначая то или конкретное качество человека, его характера или интеллекта. При этом обобщённо-переносные значения всех единиц являются образно мотивированными, так как мысль о несообразительном, беспроломном человеке воспринимается на основе определённых наглядных представлений (образов, картинок): человек, имеющий голову из чугуна, дуба, или маленькую, как у курицы, или вместо мозгов мякину, солому, толоконную муку в голове, не может отличаться большими интеллектуальными способностями. Наоборот, представлением о том, что по высоте лба можно судить об умственных способностях человека, создаётся образ очень умного человека – *семи пядей во лбу*.

Фразеологические образы – человек, имеющий огромный лоб, или человек, имеющий пустую голову, – стимулируют яркое проявление коннотативного компонента в структуре их значений. Яркая образная мотивировка делает все фразеологизмы экспрессивно значимыми и эмоционально-оценочными (фразеологизмы, обозначающие ограниченных, рассеянных или упрямых людей, могут восприниматься только негативно, только с эмоциональной тональностью иронии, насмешки или презрения; фразеологизмы, обозначающие людей умных и добрых, воспринимаются позитивно, эта оценка отражается эмоциональной тональностью одобрения, восхищения). Таким образом, во фразеологических значениях анализируемых единиц активную роль играет коннотативный компонент [2].

У каждого человека, познающего реальный мир, обо всех предметах и всех явлениях действительности создаются определённые понятия и формируются их наглядные образы. Человек мыслит понятиями и образами. Образы возникают в виде представлений, восприятий, ощущений. Способность слова создавать наглядно-чувственные образы (картины) предметов и явлений окружающего нас мира в филологии принято называть *образностью*. Выделяют два типа образности, которые могут характеризовать речь: потенциальная и эвидентная. *Потенциальная* образность – это заложенная в словах скрытая способность создавать наглядно-чувственные картины внешнего мира, она представлена в словах, которые сохранили посредством своего морфемного состава признак, лёгший в основу наименования предмета в момент возникновения слова. Образность специальных изобразительно-выразительных средств языка называют *эвидентной* (франц. *evident* «очевидный»).

Образность большинства фразеологизмов является их постоянным свойством, так как они вызывают в сознании человека наглядные представления. Образность фразеологизма *своей тени боится* – «до крайней степени труслив, исключительно робок» – позволяет воспринять это значение на основе яркого представления: *человек, который в страхе бежит от своей тени*. Фразеологическую образность можно представить как соотнесённость в нашем сознании двух предметов или явлений. Во фразеологических оборотах наглядное представление, то есть образ, базируется на первичном номинативном значении свободного слово-

сочетания – прототипа фразеологизма. Этот образ «отрывается» от своей собственной реалии и по ассоциации переносится на другую реалию, подлежащую характеристике или оценке в речи. Формируется фразеологическое значение.

Существует два способа соотнесения значений по ассоциации: *метафора* и *метонимия*. Например, такие конкретные действия, как *стучаться в дверь*, *становиться поперёк дороги*, *сбивать с ног*, на основе образного соотнесения с абстрактными понятиями вызвали к жизни фразеологизмы *стучаться в дверь* – «настойчиво добиваться чего-либо, смело обращаться к кому-либо с просьбой», *становиться поперёк дороги* – «мешать в достижении цели», *сбивать с ног* – «обескураживать кого-либо, лишать убеждённости в чём-либо». Сравнимый объект может быть и плодом нашего воображения. Такова образная основа фразеологизмов *держат язык на привязи*, *душа перевернулась*, *душа рвётся*, *заглядывать в душу*, *разбиваться в лепёшку*, *руки горят* и т. д.

При метафорическом образовании фразеологизмов используются различные стилистические приёмы, в том числе тропы. К их числу относятся гипербола, литота и олицетворение.

Приведём примеры фразеологизмов, характеризующихся яркой, образной основой.

Старый волк. Фразеологический образ основан на яркой метафоре, уподобляющей человека, прошедшего через суровые жизненные испытания и в них приобретшего опыт, стойкость, ловкость, жизнеспособность, волку, много раз подвергавшемуся травле.

Не видеть дальше своего носа. Яркая метафоричность фразеологического образа, наглядно представляющего исключительную ограниченность поля зрения человека: видит только то, что расположено на расстоянии его носа, – экспрессивно усиливается явно гиперболическим снижением его (человека) реальных возможностей.

От горшка два вершка. Фразеологический образ построен на литоте, интенсифицирующей признак очень низкого роста (*горшок* – реалия старого русского крестьянского быта – глиняный сосуд для варки пищи, 20-30 см; *вершок* – старинная русская мера длины, равная 4,4 см), а на основе этой интенсификации появляется и связанный с указанным признаком возрастной показатель – «малолетний, маленький».

Чем ярче воспринимается носителями языка словный характер компонентов фразеологизма, тем ярче осознаётся ими и сам фразеологический образ, лежащий в основе того или иного фразеологизма.

Библиографический список

1. Солодуб, Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // ФН НДВШ. – 1990. – № 6.

2. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 264 с., с. 189.

В. А. Томина

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Языковые средства выражения эмоций в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр»

С давних пор вопрос о том, что происходит, когда люди говорят друг с другом, интересовал философов древности, лингвистов, психологов, социологов многих поколений. Язык помогает нам не только передавать информацию, но и выражать различные чувства и эмоции говорящего.

Под выражением эмоций мы понимаем их снятие языком, манифестацию в речи, сопровождаемую внешним и внутренним переживанием. Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причем связи ее с оценкой оказываются особенно тесными. Эмоциональность выражается на всех уровнях языка словообразовательными, синтаксическими, лексическими средствами, включая фразеологию.

По мнению В. И. Шаховского, эмоции тесно связаны с квалификационно-оценивающей деятельностью человека и считаются компонентами структуры его мыслительной деятельности. Эмоции создают в некоторых понятиях индуктивно-прагматический сектор, находящий отражение в эмотивной семантике слова, соотносимого с данным понятием [3].

Известный психолог К. Изард включает в мотивационную систему человека 10 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [2].

В структуре образов персонажей обнаруживается многообразие эмотивных смыслов. «Совокупность эмоций в тексте (в образе персонажа) – своеобразное динамическое множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими персонажами» [1, с. 169]. Как видим, исходные эмотивные смыслы совпадают с номинациями базовых эмоций и с самыми частотными словами из множества эмотивной лексики. Следовательно, они составляют семантическое ядро эмотивной лексики.

В настоящее время лингвисты и литературоведы уделяют большое внимание роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного произведения. Источники порождения эмотивности текста разнообразны и не всеми исследователями понимаются одинаково. Способы манифестации эмотивных ситуаций в художественном тексте разнообразны: «от свернутых (семный конкретизатор, слово) и минимально развернутых (словосочетание, предложение)

до максимально развернутых (фрагмент текста, текст)». Но основным источником эмотивности текста являются собственно эмотивные языковые средства.

В целом, автор литературного произведения подбирает лексику таким образом, что это подсказывает читателю, в каком эмоциональном ключе ему следует воспринимать героя. В разных художественных текстах, в зависимости от замысла автора, возможно преобладание того или иного эмоционального свойства персонажа.

Рассмотрим, каким образом языковые средства выражения эмоций представлены в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр», который во многом является автобиографическим. Он посвящен истории скромной, но гордой и независимой девушки-сироты. Героиня книги Джен Эйр упорно борется с множеством препятствий, стоящих на ее пути к самостоятельной жизни и личному счастью.

Джен Эйр – пылкая и сильная натура, носительница стихийного протеста против всякого угнетения и на протяжении всего произведения читатель может наблюдать выражение самых различных эмоций и переживаний, в частности, самой главной героини.

Так, например, когда Джон Рид ударил Джен, и она потеряла контроль над собой, не в силах больше сдерживать свои эмоции, она закричала:

«Wicked and cruel boy!» I said. « You are like a murder – you are like a slave – driver – you are like the Roman emperors!» [4, с. 6]. Джен сравнивает своего обидчика с убийцей, надсмотрщиком, с римским императором, чтобы показать всю свою обиду и горечь, которую он ей принес, а также показать свое негативное и презрительное отношение к Джону Риду. Кроме того, в данном примере мы можем наблюдать такой прием, как обособление, благодаря которому можем понять, каково было состояние главной героини, насколько сложно ей было произносить слова, когда ее переполняли негодование и обида. Графическими средствами выражения эмоций в данном фрагменте являются знаки препинания, которые позволяют нам убедиться в том, что тихая, молчаливая и терпеливая Джен в данной ситуации потеряла контроль над своими эмоциями, чем вызвала огромное удивление всех остальных обитателей дома.

После данного инцидента, миссис Рид посчитала нужным запереть маленькую девочку в красной комнате, в которой никто никогда не ночевал и она всегда пустовала. Для Джен было сущим адом остаться здесь запертой одной на целую ночь, и она описывает свое внутреннее состояние. Из ее монолога можно проследить, насколько несправедливо по отношению к девочке поступали все обитатели Гейтсхэдхолла.

«What a consternation of soul was mine that dreary afternoon! How all my brain was in tumult, and all my heart in insurrection! Yet in what darkness, what dense ignorance, was the mental battle fought!» [4, с. 10]. Автор использует в данном отрывке ряд олицетворений, чтобы показать, насколько сильно Джен переживала из-за всего происходящего с ней («душа ожесточена», «мысли взбудоражены», «сердце бунтовало»). Бронте показывает читателю, что каждая частичка Джен протестовала против несправедливости, царящей в доме. И, несмотря на то, что

Джен была вынуждена все стерпеть, внутренняя борьба продолжалась ежеминутно. Также мы можем наблюдать инверсию, которая служит для привлечения внимания читателя.

Когда миссис Рид решила отдать Джен в Ловуд и пригласила для беседы мистера Брокльхерста, в разговоре с ним она охарактеризовала Джен как несносную девчонку, лгуницу, которая нуждается в особом контроле. Джен была настолько возмущена этой клеветой, что после ухода директора Ловудского приюта, попыталась убедить свою тетю в обратном. То, с каким жаром и с какой ненавистью Джен произнесла это, поразило миссис Рид до такой степени, что она потеряла дар речи. И Джен описывает свои эмоции во время своего кратковременного триумфа: «*First, I smiled to myself and felt elate; but this fierce pleasure subsided in me as fast as did the accelerated throb of my pulses*» [4, с. 30]. Сначала лицо Джен озарила улыбка, олицетворявшая вкус победы, но, осознав, что, в конечном счете, Джен не может наслаждаться радостью, причинив боль другим, ее состояние меняется, и она начинает осмысливать произошедшее. Здесь автор использует оксюморон «*fierce pleasure*», метафору «*this fierce subsided*» и сравнение «*this fierce pleasure subsided in me as fast as did the accelerated throb of my pulses*», что дает нам понять, насколько стремительно ликование сменилось унынием, как быстро Джен осознала, что не может противостоять взрослому человеку, от которого зависит.

Отправившись в Ловудский приют, Джен столкнулась с множеством ограничений и сводом жесточайших правил. В один из дней приют посетил мистер Брокльхерст. Во время беседы с директором школы мисс Темпл у Джен случайно выскользнула из рук доска, и тишину прервал оглушительный треск. Обратив свой взор на маленькую девочку, владелец приюта обратился ко всем присутствующим: «Мисс Темпл, наставницы и дети! Вы видите эту девочку?» Описывая это неожиданное обращение и прикованное внимание всей аудитории, мы встречаем отрывок из внутреннего монолога главной героини: «*Of course they did; for I felt their eyes directed like burning-glasses against my scorched skin*». [4, с. 56] Автор использует сравнение, проводя параллель между глазами присутствующих и зажигательными стеклами, а также метафору «*burning-glasses against my scorched skin*», из чего мы можем извлечь, что обращение учителей и воспитанниц в тот момент подействовало на Джен, как пламя, которое обжигает ее кожу. Мы можем представить, что Джен испытывала такие чувства, как страх, волнение, негодование, обиду.

Мистер Брокльхерст приказал поставить Джен на стул, и никому нельзя было с ней заговорить. Описывая этот момент, автор сравнивает возвышение в виде стула с позорным столбом. «*There was I, then, mounted aloft; I, who had said I could not bear the shame of standing on my natural feet in the middle of the room, was now exposed to general view on a pedestal of infamy*» [4, с. 57]. Также читатель может найти в этом предложении метафору «теперь я была как бы пригвождена к позорному столбу», и понять, насколько Джен была беспомощной в тот момент.

Полчаса еще не истекли, но воспитанниц отпустили в столовую, и Джен позволила себе слезть со стула и навзничь упала на пол, рыдая. В голове девочки были ее маленькие победы в учебе, ее старание, уважительное отношение к ней других воспитанниц, и Джен боялась, что это наказание все изменит, отношение всех в Ловуде станет иным. «... *now, here I lay again crushed and trodden on, and could I ever rise more?*» – «*Never...*» [4, с. 58]. В данном фрагменте мы можем встретить эпитеты, которые ярко выражают состояние героини, которая считает себя униженной, опозоренной. Также нельзя не обратить внимание на риторический вопрос, на который, тем не менее, Джен сама находит ответ в своей голове, это говорит о крайней степени отчаяния, негодования Джен, она уже готова сдаться, опустить руки, но все же находит в себе силы бороться и идти дальше.

На протяжении всего романа, мы можем проследить яркость и живость эмоций и чувств персонажей. Обратив внимание, главным образом, на Джен Эйр, мы можем сделать вывод о том, что в ее речи превалирует выражение эмоций и переживаний во внутреннем монологе, так как она была натурой довольно волевой и сдержанной, которая часто вела беседу с собственным разумом, анализируя свои действия, поступки, чувства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Шарлотта Бронте с огромной точностью и талантом передала состояние героев и помогла читателю погрузиться в ее художественный мир, полный красок, бури эмоций и запоминающихся образов действующих лиц.

Библиографический список

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник. Практикум / Л. Г. Бабенко. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 496 с.
2. Изард, К. З. Психология эмоций / К. З. Изард. – СПб. : Питер, 2007. – 464 с.
3. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : ЛКИ, 2008. – 208 с.
4. Bronte Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte. – London : Wordsworth Editions, 1999. – 401 p.

М. Ю. Фадеева

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, г. Орск

Формирование лингвокоммуникативной культуры студентов университета в иноязычном деловом общении

Развитие личности студента как будущего высококвалифицированного специалиста в современном обществе требует формирования лингвокоммуникативной культуры (ЛКК) для познавательного и делового общения, эффективной коммуникации на русском и английском языках. Обучение английскому языку

имеет профессионально ориентированную направленность, и общение на английском языке студентов всех специальностей является обязательным требованием на занятиях. Процесс говорения способствует решению практических, общеобразовательных и воспитательных задач. Таким образом, необходимо подготовить студентов к общению на иностранном языке в различных жизненных обстоятельствах, ситуациях.

Преподаватель иностранных языков в настоящее время должен обучать языку как реальному и полноценному средству общения, развивать способность понять и передать информацию, развивать внеклассные формы общения и максимально развивать коммуникативные способности. Процесс обучения языку должен протекать в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Эффективность общения помимо знания языка зависит от условий и культуры общения, от правил этикета, знания вербальных форм выражения, наличия глубоких фоновых знаний.

Такие компоненты культуры, как традиции, бытовая культура, повседневное поведение, особенности мышления каждой народности, художественная культура – все это несет национально-специфическую окраску и является значимым в социокультурных структурах. Само понятие «культура» выражает системное качество человеческого бытия, оно является основанием существования индивида, его универсального мира [9].

В настоящее время «культура» означает исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизнедеятельности людей, также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [9]. В культуре аккумулирован человеческий опыт бытия и освоения мира в виде способов восприятия, мышления, переживания и действия, а также в виде знаний, ценностей, способов и критериев оценки, нормативов, целей и смыслов, хранящих и воспроизводящих опыт духовной и практической деятельности, а образование – ее живой «переводчик» и транслятор. Культура имеет коммуникационную природу, это форма общения между людьми [5].

Можно считать показателем культуры степень широты кругозора, направленность и степень сформированности мировоззрения, степень социальной активности в целом, социальную значимость индивидуальных норм поведения, владение разнообразными методами деятельности, характер эмоциональной восприимчивости и интуиции, но в их основе лежит общий показатель развитости культуры личности – мера разносторонней творческой активности.

Элементы культуры – ценности, язык, знания – создают контекстуальный фон деятельности человека, помогают анализировать ее с точки зрения мотивации и стимуляции. Под культурой студента понимается осознаваемая личностью в виде ценностей система качеств ума, воображения, памяти, полученных в процессе воспитания и образования. Культура человека, студента, будущего специалиста есть состояние, продуктивный процесс и результат усвоения и создания социальных ценностей. В структуре деятельности студента типология его культуры в значительной мере определяется будущей специальностью и профессией.

Коммуникативная культура – одно из определяющих свойств человека XXI века, назначение которой – раскрыть и развить сущностные силы преподавателя и студента, выступая формой самопроектирования личности. Понятие «коммуникативная культура» трактуется как совокупность умений и навыков в области средств общения и законов межличностного взаимодействия, которые способствуют взаимопониманию и эффективному решению задач общения [2].

ЛКК – это базовое интегративное новообразование, репрезентирующее целостность личности и ее устремленность к личностному саморазвитию, характеризующееся совокупностью процессов, связанных с вербальной деятельностью, в которой значительную роль играет и речевая образовательная ситуация [6]. Развитие ЛКК студентов обеспечивается:

- отбором содержания на основе минимального тезауруса;
- созданием высокой мотивации к усвоению иностранного языка;
- применением ориентационно-ценностных технологий обучения, предусматривающих использование информационного моделирования в учебной аудитории образа иноязычной среды, интеркультурного словаря-тезауруса в учебном процессе.

Деловое общение – это прежде всего коммуникация, то есть обмен информацией, значимой для участников общения [3].

Деловое общение также рассматривается как способ включения человека в партнерские, общественные, социальные, межличностные отношения, связанные с субъективизацией их посредством проявления свойств человека как субъекта деятельности, как личности и как индивидуальности [1], а также определяется как процесс взаимодействия людей, в котором происходит обмен информацией, опытом и результатами деятельности, содержанием которой является социально-ролевое взаимодействие, направленное на удовлетворение потребностей субъектов общения [4].

Речевая образовательная ситуация (РОС) представляет собой функциональную единицу развития иноязычного делового общения, в составе которой две неразрывные стороны: объективная (наличие внешних обстоятельств, побуждающих к действию) и субъективная (характер восприятия субъектом внешних условий, их личностная организационная значимость) [8].

Научным обеспечением структурно-функциональной модели развития иноязычного делового общения средствами речевых образовательных ситуаций являются принципы гуманизма, индивидуализации, сотрудничества, профессиональной направленности, целостности и усложнения (переход от деятельности в учебной ситуации к деятельности в жизненной ситуации).

Педагогу необходимо создать следующие педагогические условия, обеспечивающие эффективную реализацию структурно-функциональной модели развития иноязычного делового общения средствами речевых образовательных ситуаций:

- 1) поэтапность внедрения педагогических средств и методов обучения, обеспечивающих активизацию субъектно-субъектных отношений во взаимодействии участников процесса иноязычного делового общения;

2) погружение студента в аутентичное пространство в процессе делового общения, углубляющее познавательную активность;

3) использование эмоционально-ориентированных форм обучения, позволяющих обеспечить усвоение студентами предметных знаний и ценностное отношение к ним.

Таким образом, эффективной реализации педагогических условий развития иноязычного делового общения на творческом этапе работы способствует внедрение в процесс развития иноязычного делового общения речевых образовательных ситуаций творческого поиска, способствующих совершенствованию речевых умений размышлять вслух, защищать свое суждение, возражать, убеждать, доказывать, отстаивать свою точку зрения, задавать вопросы за счет погружения студентов в речевую образовательную среду, использования технологии проблемно-поискового характера, применения в процессе иноязычного делового общения разнообразных видов уроков (урок-дискуссия, конференция, встреча).

Основная задача преподавания иностранных языков в России в настоящее время – это обучение языку как реальному и полноценному средству общения, в процессе которого формируется языковая лингвокоммуникативная личность и личностная культура студента в различных видах и формах общения, в том числе и в иноязычном деловом общении. Необходимо учитывать педагогическую сущность становления ЛКК студентов, заключающуюся в ценностно-смысловом восприятии речи других; качественном и количественном наличии речевых образовательных ситуаций; адекватном выражении своих знаний, суждений, оценок и направленном воздействии при помощи системы, логики, доказательств, эмоционально-экспрессивных сторон вербальной деятельности.

Формирование ЛКК происходит на основе принципа постепенного усложнения всех ее структурных компонентов, различных вариантов вербального общения преподавателя и студентов на основе межсубъектных отношений. Возможность обеспечения ценностно-смыслового единства структурных компонентов ЛКК будет происходить на определенных этапах в результате становления субъектной позиции студентов в целостном образовательном процессе [6].

Выявление педагогической ЛКК в образовательном процессе (свойства, структурные компоненты, особенности проявления в познании, в общении, в становлении субъектной позиции) связано с концептуальными идеями. Основная идея заключена в реализации принципа гармонизирующего диалога, а концепция эффективности вербального общения согласуется с его субъект-субъектной моделью, необходима отчетливая структурированность дискурса и эксплицитность его смысловой формальной структуры; в этом отношении концепция эффективности общения, учитывающая аспекты когерентности дискурса, достаточно перспективна.

В любом случае цель обучения культуре заключается в развитии культурного опыта студентов, их любознательности как по отношению к изучаемой культуре, так и своей собственной, чтобы сравнивать различные культуры и делать определенные выводы [10].

Речевая образовательная ситуация является средством развития иноязычного делового общения, где механизмом формирования ЛКК выступает процесс нахождения нового личностного смысла собственной деятельности посредством «осуществления себя», осмысления своей позиции, преобразования своего внутреннего мира. Расширяющиеся международные контакты делают актуальными вопросы межлингвокультурной коммуникации, которая предполагает наряду с владением иностранным языком умение воспринимать и адекватно интегрировать формы коммуникативного поведения во всем многообразии их варьирования от культуры к культуре.

Библиографический список

1. Батищев, Г. С. Особенности культуры глубинного общения педагога / Г. С. Батищев // Гносеологические и мировоззренческие проблемы. – М. : ИФАН, 1987. – 111 с.
2. Ксенофонтова, А. Н. Проблема речевой деятельности в педагогическом процессе / А. Н. Ксенофонтова. – Оренбург, 1996. – 100 с.
3. Лавриенко, В. Н. Психология и этика делового общения : учебник для вузов / В. Н. Лавриенко. – М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – С. 110-279.
4. Леонтьев, А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
5. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур / Ю. М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.
6. Темкина, В. Л. Формирование лингвокоммуникативной культуры студентов : монография. – М., 2002. – 200 с.
7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – 624 с.
8. Фадеева, М. Ю. Learn English politeness in communication : учебное пособие / М. Ю. Фадеева. – Орск : Изд-во ОГТИ, 2011. – 107 с. – ISBN 978-5-8424-0569-5.
9. Фадеева, М. Ю. Тематический практикум по английскому языку : методические рекомендации для студентов I-II курсов физико-математического факультета / М. Ю. Фадеева. – Орск : Изд-во ОГТИ, 2006. – 48 с.
10. Фадеева, М. Ю. Формирование лингвокоммуникативной культуры общения в бизнесе : учебно-методическое пособие / М. Ю. Фадеева. – Орск : Издательство ОГТИ, 2010. – 122 с.
11. Филина, М. А. Развитие иноязычного делового общения студента в образовательном процессе : учеб.-метод. пособие / М. А. Филина. – Оренбург : Титан, 2008. – 94 с.
12. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 292-293.
13. Tavares @ Cavalcanti, 1996 : 19.

А. В. Флоря

Уточнение понятия «призыв» в юрислингвистике

Юрислингвистика играет большую и всё более возрастающую роль в жизни современного российского общества, поскольку становится всё больше судебных процессов, связанных с оскорблениями личности (из-за их чрезмерного количества статья 130 УК РФ была декриминализована), с клеветой, угрозами, с недобросовестной рекламой, некорректными формулировками в договорах, неправильными переводами документов, с экстремистской деятельностью и многими другими аспектами.

Опыт изучения реальных экспертиз, опубликованных или изложенных в различных источниках и в Интернете, показывает, что эта сфера деятельности, мягко говоря, нуждается в серьезной научной проработке. Сами экспертизы часто бывают субъективными, четкие критерии оценки многих речевых явлений именно в криминологическом аспекте отсутствуют или остаются недостаточно ясными.

В юрислингвистических экспертизах очень часто бывает необходимо отвечать на вопрос, содержатся ли в анализируемых текстах (высказываниях) деструктивные призывы разного рода. Однако призывы иногда не различаются со смежными жанрами, прежде всего лозунгами (у А. Н. Баранова, например, лозунг – это разновидность призыва, и это весьма традиционная точка зрения). На практике лозунг (лаконичное, афористическое изложение целей, идеалов), некорректно отождествленный с призывом (непосредственным побуждением к определенным действиям), может быть трактован как более радикальный речевой акт.

В основном на сегодняшний период в источнике юрислингвистических знаний – монографии А. Н. Баранова – призыв определяется как «речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий» [1, с. 420].

Далее названы условия успешности данного речевого акта [1, с. 419-420]. Иначе можно сказать: его существенные признаки. Мы не считаем их бесспорными и постараемся изложить свою точку зрения.

«Условие пропозициональности содержания: описание будущего действия (действий) адресата, рассматриваемого как часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов» [1].

На наш взгляд, в юрислингвистическом аспекте термин «идеал(ы)» чаще бывает неуместным. Под идеалами понимаются высокие и сильно абстрагированные ценности, тогда как в высказываниях, становящихся объектом юрислингвистики, то есть криминального разбирательства, мы, скорее, имеем дело с низменными понятиями. Так, патриотизм – это идеал, высокая ценность, а шовинизм, ксенофобия – низменные чувства и убеждения.

Кроме того, идеалы, высокие цели, как правило, формулируются в другом речевом жанре – лозунге. Там обычно говорится, чего следует достичь, но не (всегда) уточняется, что именно для этого следует делать.

Далее у А. Н. Баранова:

«Подготовительные условия: 1) адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь, 2) действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует, 3) говорящий и адресат являются политическими субъектами или лицами, которые представляют политических субъектов, 4) речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации, 5) ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего речевого акта говорящего».

Мы также считаем эти условия далеко не бесспорными и не обязательными. Итак, по порядку.

1.1) «Адресат в состоянии совершить действие, о котором идет речь». Но адресат может и не быть в состоянии совершить это действие, хотя адресант уверен в обратном. Адресант может вообще заблуждаться на этот счет. Он может адресоваться, условно говоря, ко всему народу, полагая, что его поддержат все «нормальные люди» (считая себя носителем нормы), однако нормальные люди как раз не разделяют его взглядов – например, ксенофобских.

1.2) «Действие, о котором идет речь, не выполнено и желаемое положение дел отсутствует». Желаемое говорящим положение дел может отсутствовать лишь в его воображении, а в реальности всё обстоит прямо противоположно. Например, в фильме Г. Данелия «Кин-дза-дза!» сумасшедший чатланин Кырр уверен, что «пацаки чатланам на голову сели». Он может на этом основании обратиться к чатланам с экстремистским призывом «Бей пацаков!», однако на самом деле всё наоборот: на этой планете пацаков поработили чатлане.

1.3) «Говорящий и адресат являются политическими субъектами или лицами, которые представляют политических субъектов». Это, пожалуй, самый сомнительный пункт. Возможны и другие причины – прежде всего хулиганство, не имеющее никакого отношения к политике. Наконец, через призыв говорящий может выражать сильное желание, чтобы нечто произошло или изменилось. Об этом, кстати, говорит и А.Н. Баранов по поводу «эталонных призывов» [1, с. 421]. В последнем случае текст становится подобием заклинания: не «Сделайте это», а «Пусть будет так!». Например: «Догоним и перегоним Америку!» – это слишком абстрактное высказывание, выражающее, скорее, цель или желание, чем конкретные действия. Строго говоря, здесь эталонный лозунг, а не призыв! Впрочем, у А. Н. Баранова призыв-лозунг – это особый субжанр, который характеризуется в другом параграфе.

1.4) «Речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации». См. п. 3. Этот речевой акт может быть и чем-то другим: актом хулиганства, эпатажа, вандализма и тому подобного или выражением сильного желания.

1.5) «Ни говорящий, ни адресат не считают очевидным, что адресат совершит действие без соответствующего речевого акта говорящего». В

принципе, с такой формулировкой можно согласиться: не считают очевидным. Только уточним, что действие не всегда является главной и непосредственной целью призыва.

Далее у А. Н. Баранова:

«Условие искренности: говорящий действительно хочет, чтобы действие было совершено и общественно значимая деятельность выполнена, а идеалы достигнуты»

Это условие совершенно не обязательно. Призывы могут исходить от провокаторов, отнюдь не желающих достижения декларируемых целей и претворения в жизнь идеалов, а желающих, чтобы люди, которые поддержат призыв, последуют ему, выдали себя. То есть говорящий может желать, чтобы совершились некие действия, не желая достижения общественно значимых целей и реализации идеалов.

Далее у А. Н. Баранова:

«Существенное условие: произнося высказывание, говорящий выражает желание, чтобы адресат совершил в будущем некоторое действие, рассматриваемое как важная часть общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов»

Для призывов в юрислингвистическом, то есть криминальном, аспекте актуальны и другие моменты. Говорящий может и не желать, чтобы некто совершил какие-то действия, но даже если желает, то

а) он может обращаться не к конкретным, а к абстрактным, виртуальным адресатам;

б) цели, которых он желает на самом деле, могут не совпадать с теми, которые формально декларируются или подразумеваются при соблюдении условия искренности. Провокатор может подтолкнуть адресата к выполнению каких-то действий не в общественно значимых, а в корыстных целях или не ради воплощения идеала (высокой ценности), а, например, чтобы адресат подвергнулся репрессиям.

Итак, во-первых, выделяемые А. Н. Барановым признаки для практической экспертизы полезны, но не окончательны и могут требовать корректировки в конкретных случаях.

Во-вторых, жанр призыва в юрислингвистическом аспекте имеет специфику в сравнении с ним же в собственно лингвистическом аспекте.

В-третьих, целый ряд признаков и коммуникативных условий, относимых А. Н. Барановым к призыву, относятся, скорее, к лозунгу, и поэтому, на наш взгляд, следует разграничить данные речевые жанры.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. – М. : Флинта ; Наука, 2009.

**Воспитание интереса к урокам русского языка
(на примере изучения раздела «Местоимение» в 6 классе)**

Одной из важнейших задач, стоящих перед учителем, бесспорно, является воспитание интереса школьников к учебе и к своему предмету. В нашем случае это русский язык. Сегодня гуманитарные дисциплины у подрастающего поколения пользуются все меньшей популярностью. Причин этого может быть достаточно много. Среди них можно отметить проблему построения учебного диалога – неумение учителя выразительно и понятно донести до учащихся все богатство русского языка, нежелание детей постигать его великую способность выражать мысли и чувства говорящего, его многообразие, красоту, все «драгоценности нашего языка», как сказал Н. В. Гоголь.

Проблема развития интереса детей к изучаемому предмету сегодня стоит необычайно остро, ведь учение, лишённое всяческой заинтересованности учеников и руководимое лишь силой принуждения, является бесплодным, тяжёлым и не способствует активному получению ими, учениками, осознанных и прочных знаний. Интерес же является действенным, реальным мотивом учения, так как учитель, опираясь на него, успешно решает многие психолого-педагогические задачи и вопросы воспитания учеников, добивается оптимальных результатов своей работы за более короткие сроки.

Что же такое интерес? По одному из определений словаря С. И. Ожегова, интерес – это внимание, возбуждаемое чем-либо значительным, привлекательным [5, с. 216]. Относительно рассматриваемой проблемы можно сказать, что интерес к уроку – не что иное, как положительное эмоциональное отношение школьников к предмету, вызывающее желание познать изучаемое, стимулирующее увлечение детей предметом, а это, в свою очередь, прямо влияет на их активность. Без учета мотивов воспитания этой активности добиться нельзя. По определению Рубинштейна, познавательный интерес – это и есть мотив познавательной деятельности. Сколько бы, например, учитель ни перебирал формы уроков, меняя их темп или методы и приемы преподавания, уровень интереса к предмету при этом может не изменяться. Поэтому здесь очень важно учитывать мотивы учения, опираясь на знание которых, можно более успешно строить процесс обучения [1, с. 4].

Итак, каким же образом можно воспитать интерес к гуманитарной дисциплине, а точнее – к русскому языку? Этот вопрос ставит перед собой каждый добросовестный учитель и, пытаясь ответить на него, ищет и подбирает самые разнообразные способы работы с учениками. Мы будем рассматривать их исходя из трех этапов в развитии интереса учащихся.

Первый этап: занимательно, потому и интересно

Увлекательность урока оказывает большое эмоциональное воздействие на младшеклассников и учащихся средних классов. Детей занимает и привлекает

яркое и красочное оформление урока, интересные примеры, элемент игры, связь с реальной жизнью и т. п. Однако все перечисленное не должно оставаться статичным. Формы занимательности тогда лишь действуют успешно, когда являются уместными, постоянно меняются (или чередуются) и органически связываются с практическими навыками и с изучаемым материалом.

Одним из приемов занимательности является использование различных *литературных текстов*, не только развивающих читательскую компетенцию, слух и смекалку учеников, но и мотивирующих их на восприятие нового материала. Помимо всего прочего, эти произведения создают позитивный настрой детей, так как часто обладают юмористическим содержанием. Одним из таких текстов является, например, рассказ Тамары Крюковой, используемый учителем на мотивационном этапе урока изучения темы «Местоимение как часть речи»:

Однажды конкистадоры незаметно подкрались к поселению индейцев, заставив тех врасплох. Лишь вождь заметил приближение врага и тотчас послал за своими храбрыми воинами. Не подозревая об опасности, те мирно попыхивали своими трубками, сидя у огня.

Посланник ворвался в вигвам и затараторил:

– Несокрушимый великий вождь Козья Морда послал Рогатого Оленя Быстрые Ноги к Чутким Ослиным Ушам, к Перу из Хвоста Орла, к Сердцу Бешеной Куропатки и к Мозолистой Страусиной Пятке и попросил Чуткие Ослиные Уши, Перо из Хвоста Орла, Сердце Бешеной Куропатки и Мозолистую Страусиную Пятку собраться у несокрушимого вождя Козья Морда.

Пока он говорил, конкистадоры захватили поселение. В вигвам к воинам зашел увешанный оружием бледнолицый и сказал:

– Вождь просит вас собраться у него.

Краткость бледнолицего сразила индейцев наповал. Так конкистадоры окончательно завоевали Америку. А все потому, что настоящая цивилизация не может обойтись без местоимений [3, с. 118-119].

На уроке изучения неопределенных местоимений, также на мотивационном этапе, учителем может быть использован текст лирического произведения Ю. И. Ковалю «На яхте».

Однажды куда-то на яхте

Откуда-то кто-то поплыл.

Летали какие-то чайки

О чем-то кричали ему.

Какой – то дельфин остроносый

В зеленые волны нырял,

И ветер, почти незаметный,

Чуть-чуть паруса надувал.

Наверно, какие – то люди

Глядели уплывшему вслед.

И кто-то, наверное, думал:

«Скорей возвращайся назад»... [4, с. 79].

После прослушивания текста учащимся предлагается ответить на следующие вопросы:

- Кто поплыл на яхте и куда?
- О чём кричали чайки?
- Какие люди глядели уплывшему вслед?
- Какой остроносый дельфин нырял в волны?

Дети дают ответы, опираясь на содержание произведения.

Так, посредством использования приема занимательности учитель выводит учеников на определение темы урока – «Неопределенные местоимения».

Еще одним способом вовлечь учеников в активную работу на уроке является игровой элемент. Одной из часто используемых его разновидностей будет *работа с сигнальными картами*. Так, на одном из уроков по изучению местоимения в 6 классе в качестве разминки детям было предложено следующее задание:

Я читаю предложения, вы находите в этих предложениях местоимения и показываете сигнальные карточки:

- красную – личные местоимения;
- зеленую – притяжательные местоимения;
- синюю – вопросительно-относительные местоимения.

Такая работа активизирует внимание учащихся, их слух и память, позволяет задействовать в выполнении упражнения целый класс, а также предупреждает забывание выученного материала. В дальнейшем сигнальные карты можно будет использовать в соответствии с другими выученными разрядами местоимений.

Помимо этого, учащиеся среднего звена очень активно решают различные логические задачи, отгадывают загадки. Например, на организационном этапе одного из уроков шестиклассники с увлечением искали ответ на вопросы-шутки:

1. Назовите личное местоимение, содержащее в себе и междометие, и предлог. (о-на)
2. В названии какого фрукта есть противительный союз, предлог и личное местоимение мн. ч. в форме Р. п.? (а-на-нас)
3. Какие три местоимения обеспечивают чистоту рук? (вы-мы-ты)
4. Какие два местоимения требуют чистоты? (вы-мой)
5. Какое личное местоимение надо прибавить к другому личному местоимению, чтобы получить много крупных плодов? (ты-к-вы)

Второй этап: вера в слово учителя о значимости предмета

В настоящее время не так-то просто убедить школьников, особенно обладающих так называемым математическим складом ума, в том, что русский язык – метапредметная дисциплина, необходимая во всех областях знания. Без сомнения, учитель, постепенно прививая детям интерес к своему предмету, должен обладать не только различными методическими приемами изложения материала, но и колоссальной силой убеждения. Личные качества педагога играют в этом деле очень большую роль, так как, убеждая учеников в необходимости изучать

русский язык, учитель осуществляет воспитательное воздействие на учащихся, что делает эффективным весь процесс преподавания.

Показывая школьникам значимость предмета, учитель приводит различные аргументы. При этом он может использовать свои жизненные наблюдения, личный опыт учеников и так называемый местный, краеведческий материал. Памятные места области, ее передовые люди, герои родного края, прославленные земляки, улицы, театры – подобные темы не только побуждают учащихся к высказываниям, но и дают прекрасный и богатый материал для сопоставления [2, с. 25].

Можно также взять для анализа и речь некоторых кумиров современной молодежи, известные хиты, в которых найдется масса отклонений от литературного языка. Например, в употреблении тех же самых местоимений:

*«Я не могу **ничё** с собой поделать, сори»* (Мот – Понедельник-Вторник).

*«Ты скажи, ты скажи, **чё** те надо»* (Балаган LTD – Ты скажи).

*«Она такая, никакая-никакая, ну **шо** ты в ней нашел?»* (А. Пугачева – Мадам Брошкина).

*«Дни ожидания, сны и желания **самые первые, самые ранние»*** (Алсу – Иногда).

Большой воспитательной силой обладает и материал, связанный с близкими родственниками учащихся, ведь язык, на котором общаются в семье, является первоисточником речевой культуры каждого ребенка. Так, подражая речи родителей, бабушек и дедушек, ученики говорят «ихний» вместо «их», «евоиный» вместо «его», «скучаю за вами и по вам» вместо «скучаю по вас», «спроси у ней» вместо «у нее» и т. д. Приводя подобные примеры, учитель не только побуждает ребят совершенствовать свою речь, но и исправлять ошибки в речи родных.

И, конечно же, не последнее место занимает характер отношений между педагогом и учениками. Доброжелательное отношение между участниками образовательного процесса, менее формальное, но не доходящее до панибратства, – важное условие, способствующее формированию у учеников увлечения предметом и осознания ими важности его изучения.

Третий этап: осознание практической потребности в знаниях по предмету.

На данном этапе мотив к изучению дисциплины становится более явным, а значит, и интерес к ней повышается. Ребенок понимает: хорошее знание русского языка и возможность культурного использования его в устной и письменной речи пригодится ему в будущем, например, при создании творческих работ, устных выступлений, при общении в целом. Грамотная речь понадобится учащимся на их дальнейшем пути, при выборе профессии, пусть даже не связанной с гуманитарными науками.

Помочь ребятам осознать практическую потребность в знаниях по предмету – одна из главных задач учителя.

Очень часто педагог побуждает детей к работе таким образом: «Вы должны хорошо знать предмет, чтобы не получать плохих оценок». Этот мотив

не только является кратковременным, но порой и вовсе убивает у ученика желание заниматься. Напротив, если же учитель объясняет, почему нельзя писать с ошибками, и ставит перед собой задачу научить детей писать правильно, соблюдая все нормы, то школьники лучше выполняют эту задачу, так как уже видят ее практический результат.

Т. В. Напольнова пишет: «В значительной степени формированию интереса к русскому языку способствует практическое овладение правилами грамматики и орфографии и связанный с этим подбор примеров самими учащимися» [1, 110].

После знакомства с теоретическим материалом соответственно идет практическое его закрепление через систему упражнений, подбор которых может сыграть важную роль в осознании учениками важности изучения данной темы. Например, учитель может предложить учащимся поработать редакторами и исправить ошибки в следующих предложениях:

1. Расскажи об ихней сестре.
2. Узнай у ней о результатах экзамена.
3. Она сильно тосковала по вам.
4. Мы приехали к евойному деду.
5. Лавочник протянул Алеше его пухлую руку.

Выполняя задание, ребенок видит разницу между грамотным и безграмотным использованием местоимений. Систематическое выполнение подобных упражнений поможет быстрее сформировать умение правильно употреблять местоимения в речи и на письме.

Как уже было сказано ранее, практические навыки владения русским языком помогают при создании письменных работ, собственных текстов, например, сочинений или изложений. Выполняя задания творческого характера, ребенок не только учится правильно излагать на бумаге свои мысли, но и практически закрепляет изученную тему, учится использовать полученные знания «в деле».

В 6 классе, на первых уроках изучения раздела «Местоимение», можно предложить шестиклассникам такую работу: обнаружить в тексте нежелательные повторы и заменить их (где возможно) местоимениями. Записать исправленный текст, логически его завершив.

Бывают вороватые коты. А среди котов – неисправимо вороватые. Одесский кот Мордан был как раз таким, вороватым неисправимо. Что касается внешности кота, то имя кота дает достаточное о коте представление. О внутренней же сути кота было сказано выше. Стоило хозяйке зазеваться или выйти из кухни, как кот был тут как тут. Кот умудрялся вытаскивать мясо даже из кастрюли с кипящим супом.

Ловкость и наглость кота постоянно держала всех обитателей квартиры как бы в осадном положении, пока однажды...

А. Горбовский. Дорога домой

Работа с текстовыми упражнениями не только расширяет масштабы творческой деятельности учеников, но и наряду с усвоением изучаемой темы позволяет организовать сопутствующее повторение изученного ранее материала, например, правописание проверяемых гласных в корне слова и т. д.

Таким образом, воспитание интереса к урокам русского языка осуществляется в несколько этапов с помощью таких приемов работы, как:

- использование занимательных литературных текстов;
- работа с сигнальными картами и наглядными пособиями (рисунки, схемы, таблицы);
- решение логических задач (загадки, шарады, вопросы-шутки);
- использование в качестве примера для анализа и сопоставления жизненного материала (речь артистов, тексты популярных песен, а также речь родственников детей, знакомых и т.д.);
- закрепление теоретического материала системой упражнений (преимущественно творческого характера).

Библиографический список

1. Баранов, М. Т. Воспитание интереса к урокам русского языка у учащихся V-VIII классов / М. Т. Баранов. – Москва : Просвещение, 1965.
2. Власенков, А. И. Общие вопросы методики русского языка в средней школе / А. И. Власенков. – Москва : Просвещение, 1973.
3. Граник, Г. Г. и др. Русский язык. 6 класс : учебник для образовательных учреждений в 2 частях / Г. Г. Граник, С. Н. Бондаренко, Н. А. Борисенко, Г. Н. Владимирская. – Москва : Мнемозина, 2011.
4. Коваль, Ю. И. Друг на все времена / Ю. И. Коваль. – Москва : TriMag, 2014.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1986.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции*

(апрель 2016 г.)